



ВЛАДИМИР

# КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

# НЕПОДКУПНЫЕ

**Владимир Григорьевич Колычев**  
**Неподкупные**  
Серия «Колычев. Мастер  
криминальной интриги»

*Текст предоставлен издательством*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3083765](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083765)*  
*Неподкупные: Эксмо; М.; 2012*  
*ISBN 978-5-699-55168-2*

**Аннотация**

Начинающий опер Богдан Городовой – из молодых, да ранних. Без году неделя в должности, а уже вцепился мертвой хваткой в главаря банды рэкетиров Шурина. Поначалу пахан просто не замечал настырного лейтенанта. А потом, когда почуял неладное, подставил шустрого мента под убийство вора в законе Рычага, чтобы «законники» отомстили Городовому. Но воры просекли подставу, и теперь Шурина самому бы ноги унести. Тем более что Городовой поклялся упечь бандита за решетку и обещание свое намерен сдержать. Но на чем прихватить Шурина? Опер знает, что тот чрезмерно увлекается женщинами, и решает разыграть эту карту...

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Часть первая                      | 4   |
| Глава 1                           | 4   |
| Глава 2                           | 14  |
| Глава 3                           | 25  |
| Глава 4                           | 35  |
| Глава 5                           | 52  |
| Глава 6                           | 63  |
| Глава 7                           | 75  |
| Глава 8                           | 84  |
| Глава 9                           | 93  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 100 |

# Владимир Колычев

## Неподкупные

### Часть первая

#### Глава 1

Лето, сбор урожая... Только жатва у всех разная. Кто-то баранку комбайна в поле крутит, а кто-то авторучкой мозоли себе натирает. Кому-то хлеб нужно собрать, кому-то – дать угля на-гора, а Богдан Городовой должен отчитаться перед инспекцией.

Проверяющий из Москвы знает свою работу. Первым делом он проверит развешанные по зданию РОВД таблички, чтобы все они возвышались над полом на уровне, установленном инструкцией. Нормативные документы на этот счет меняются с завидным постоянством – то метр шестьдесят установят, то метр семьдесят, то где-то между этим. Проверяющий знает последнюю инструкцию по этой части, он четко установит, на правильной высоте вывешены таблички или же распоряжение вышестоящего начальства грубо и даже преступно проигнорировано. В последнем случае могут последовать оргвыводы со всем отсюда вытекающим...

Возможно, капитан Ревякин просто стебался, рассказывая о табличках. Во всяком случае, он не шел в секретную часть искать инструкцию и не перевешивал табличку на дверях в свой кабинет. Зато усердно трудился, заполняя бумаги, которые мог затребовать проверяющий. Сейчас он строил отписки по предписаниям следователя, по заявлениям граждан. Работа эта нудная и трудоемкая, особенно если делать ее в авральном режиме. Богдан также не страдал от дефицита работы: он вписывал в журнал учета ранее судимых новые имена с тех обрывочных записей, что валялись в ящиках стола у Ревякина. Запустил капитан отчетную работу в этом году, потому им обоим приходилось наверстывать упущенное. И при этом он еще не забывал наставлять молодого лейтенанта.

– Журнал учета, Богдан, – вещь важная и нужная. Вот сегодня мы с тобой сколько дел раскрыли?

Богдан сегодня заступил на дежурство впервые. Не важно, что под мудрым оком своего наставника. Куда важнее сам факт. Жаль только, что похвастать пока нечем. В десять утра произошла карманная кража – у зазевавшегося гражданина портмоне с крупной суммой денег вынули. В начале второго пополудни обнаружилась другая кража, на этот раз квартирная. И в обоих случаях никаких зацепок. Да, честно говоря, Ревякин не торопился заниматься этими делами, потому что завалы с отчетностью нужно было разгрести.

– Нисколько.

– А вот позвонят из ГУВД и скажут: «Что за черт, давайте показатель!» – «Так нет ничего...» – «А не пойдет! Ничего не знаем, но двух подозреваемых дайте». А где их взять? Правильно, в учетных журналах. Находим щипача и домушника, предъявляем в ГУВД. Так, мол, и так, работа идет, показания следуют. А где крадуны? Выезжаем! И тут выясняется, что за ними еще до нас выехали, обоих уже закрыли. По совсем другим эпизодам. И что это значит? А то, что липу мы подсунули! Мертвые души начальству впарили! Соображаешь? Нас тогда с тобой на вилы как пить дать насадят... Так что журнальчик тщательно вести надо, отмечать вовремя, кто на свободе, а кого уже приняли. Понятно?

– Понятно. Что реальными душами надо заниматься, понятно, – покачал головой Богдан.

– А если нет этих душ? Кража есть, а вора нет. Как такая птица называется?

– Глухарь.

– Перепелок нужно отстреливать, уток, а глухарей нам не надо...

Ревякин говорил, говорил, а сам все писал, писал. Деятельная у него натура. Потому и самый высокий процент раскрываемости среди оперативников отдела. Он умел «химичить» с заявлениями граждан и не брезговал этим, но при этом он и реальными делами занимался, настоящих преступников ловил. Непримечательной он вроде бы наружности, все в нем обыкновенное – глаза, нос, рот, уши. Но взгляд

у него бодрый, энергичный, живая мысль в нем, и сердце – пламенный мотор. Комплекция у него не выдающаяся – средний рост, в плечах не ахти. Сутуловатый, косолапый, но походка быстрая, динамичная. Сейчас он занимался канцелярской работой, сидел на месте, но при этом, казалось, закипал изнутри. Еще час-другой такой работы, и он мог взорваться от переизбытка энергии.

На столе у Ревякина зазвонил телефон, что напрямую связывал кабинет с дежурной частью.

– Кража?.. Ну, надо бы посмотреть, вдруг висяк... Как сломалась?.. Да сходим, не вопрос...

Капитан резко поднялся со своего места, снял с вешалки ветровку.

– Кража на Красноармейской, машина сломалась. И моя старушка в ремонте. Ладно, пойдем пешком. Тут минут пять, не больше.

Народовольск – далеко не южный город. Предгорья Урала. Лето здесь не самое жаркое, но сегодня припекало, и можно было обойтись без куртки. Нормальные люди в рубашках по улицам ходят, в летних платьях, но капитан Ревякин и лейтенант Городовой – опера, и у них оружие, которое у одного скрывается под ветровкой, а у другого – под пиджаком. Демократия в стране – народ распустился, уважение к милиции в обществе свалилось в штопор. Что уж тут говорить об уголовниках, для которых сотрудник милиции – заклятый враг? Все чаще случается, что милиционеров уби-

вают просто так, без всякой причины. А если еще и повод есть...

Лихорадит страну. Кровавые события в Казахстане, Армении, Грузии расшатывают Союз изнутри. Чем жарче в «горячих точках», тем больше оружия расходуется по стране и тем сильнее накаляется криминогенная ситуация. Потому без табельного пистолета в город лучше не выходить, тем более на задание.

Оперативники зашли в первый подъезд четырехэтажного дома, Ревякин позвонил в квартиру с номером два. Им пришлось подождать минут пять, прежде чем дверь им открыла дородная полногрудая женщина с нездорово красным цветом лица. Накрученные на бигуди волосы явно свидетельствовали о том, что гостей хозяйка квартиры не ждала.

– Капитан Ревякин, уголовный розыск. Вы звонили по поводу кражи?

– Да, я!.. Тут такое! – Женщина картинно закатила глаза и схватилась за голову. – Постирала брюки, рубашку, повесила сушиться, хватилась, а веревка пустая!

– Брюки, наверное, не простые. Джинсы, наверное? – вежливо улыбнулся Ревякин.

Оперативный дежурный мог бы пригласить потерпевшую в отдел, чтобы там изложила суть происходящего и подала заявление по всей форме. Но Ревякин по возможности старался лично выезжать на место преступления и уже там во всем разбираться. Логика проста. Человеку требуются опре-

деленные затраты нервов и времени, чтобы добраться до рай-отдела милиции. И когда он окажется там, то к просьбе замять дело он отнесется без понимания. Чем выше затраты, тем меньше шансов договориться с ним полюбовно. А в той ситуации, когда гора сама идет к Магомету, человек еще не успевает разозлиться на милицию и легче идет на контакт. Главное – не грубить.

– Да, джинсы. Вы откуда знаете?

– Ну, я не думаю, что такая милая женщина, как вы, стала бы обращаться в милицию из-за каких-нибудь латаных треников...

– Во-первых, я не стала бы вывешивать латаные треники, – той же улыбкой ответила Ревякину женщина. – А во-вторых, это действительно были джинсы, и не какие-то кооперативные. «Авис». США!

Городовой мог бы сказать, что «Авис» – это индийская фирма. Но женщину нельзя раздражать. Он понимал, что искать веревочника дело не то чтобы безнадежное, но слишком уж муторное и заниматься им в преддверии проверки более чем хлопотно. И Ревякин постарается спустить его на тормозах. Потому он так обходителен с женщиной, и будет непростительно глупо сломать ему игру.

– И рубашка, между прочим, тоже джинсовая!

– Э-э... Меня зовут Илья Николаевич, вы можете называть меня просто Илья, – обаятельно улыбнулся Ревякин.

– Елена Владимировна, – зажеманилась женщина.

– Елена Владимировна, может, пройдемте на балкон? Покажете место, где все это случилось...

– Да, конечно... Только вы разувайтесь, пожалуйста. Я полы мыла...

Квартира просторная, светлая, обставлена хорошо, порядок если не образцовый, то близко к тому. Ни соринки, как говорится, ни пылинки. Поэтому комки грязи на балконе вмиг привлекли внимание Богдана.

– Откуда у вас это? – спросил Ревякин, сняв с перил комочек еще влажной земли.

– Не знаю. Я с утра здесь убирала...

– С утра... Еще не вечер, но уже не утро...

Богдан перегнулся через перила, глянул вниз. Зрение у него хорошее, а земля в палисаднике под балконом не заросла травой, поэтому он смог разглядеть следы голых человеческих ног.

– Елена Владимировна, у вас тут снежные люди не водятся? – спросил он.

Или зрение у Ревякина послабей, или глаза не туда смотрели, поэтому он не понял Богдана.

– Что ты там увидел?

– Похоже, кто-то на клумбу с балкона спрыгнул.

– Правильно, с этого балкона и спрыгнул...

– Если с этого, то вор обратно вернулся. Чтобы снять с веревок одежду. Тут первый этаж, я бы запросто смог сюда запрыгнуть...

– Да дело нехитрое, – кивнул Ревякин. – Только какой смысл сначала спрыгивать, а потом снова запрыгивать? Чтобы наследить? А кому это нужно?

– А если не отсюда спрыгивали. Если со второго этажа... Елена Владимировна, кто над вами живет?

– Кто над нами живет? Я не знаю, как ее зовут. Недавно появилась. Но молодая, красивая. Вся из себя такая! Фифа, одним словом... Думаете, она это сделала?

– Не думаю, – покачал головой Богдан.

– Тогда кто?

– Может, и она, – подыграл женщине Ревякин. – Если она, то, я думаю, это дело житейское. Зачем вам выносить сор из вашей общей избы? Мы поговорим с вашей соседкой, она вернет вам вещи, и вы мирно с ней разойдетесь. Зачем до суда дело доводить?

– Ну, если она вернет...

Судя по ее улыбке, Елена Владимировна уже представляла, как она с высочайшим презрением обвиняет молодую и красивую соседку в преступном посягательстве на свою собственность. Дескать, сама обносилась, так на чужое зарисься!..

– Мы с вами не прощаемся. Мы скоро! – обуваясь, пообещал Ревякин.

Они с Богданом вышли на лестничную площадку; Елена Владимировна хотела последовать за ним, но дверь закрылась у нее перед носом.

– Я не думаю, что это сделала молодая и красивая, – предупредил Богдана его наставник.

– Я тоже далек от мысли, что она прыгала голышом...

Они обогнули дом, вышли к месту, куда приземлился предполагаемый преступник, обследовали его. Судя по следам, босоногий человек спрыгнул в клумбу, развернулся на сто восемьдесят градусов, полез на балкон, где сушились джинсы и рубаха, снял добычу и снова сиганул вниз. Через палисадник он вышел на дорогу, что вела к гаражам, и был таков.

– Скажите, товарищ капитан, у молодой и красивой может быть любовник? – спросил Богдан.

– Товарищ лейтенант, вы читаете мои мысли... Илья меня зовут, если ты не понял.

– Что делать будем, Илья?

– Я бы, конечно, мог взяться за это дело. Но, во-первых, у меня есть своя молодая и красивая. А во-вторых, ты взял след; думаю, будет справедливо, если ты по нему и пойдешь. А мне в отдел нужно, всю эту писанину закруглить, да и вообще. Короче, дерзай, лейтенант. С молодой и красивой. Только на ночь с ней не оставайся. Ты мне больше нужен, чем ей...

Ревякин дружески хлопнул Богдана по плечу и повернулся к нему спиной. Сделал несколько шагов и остановился, в раздумье вскинув руку к подбородку. И вернулся к Богдану.

– Знаешь, я тут подумал... Эта молодая и красивая была

с любовником, который потом спрыгнул голышом с одного балкона и стащил одежду с другого. Но спрыгнул он неспроста, кто-то его спугнул. В классическом варианте любовник обычно убегает от мужа. И этот муж сейчас дома. Отсюда вопрос: как мы будем общаться с этой молодой и красивой? Что мы скажем ее мужу?

– Вопрос, конечно, интересный.

– Пошли посмотрим, если муж дома, то завтра утром к ней сходишь...

Богдан мог и сам сходить к соседке потерпевшей, но все-таки помощь Ревякина он принял с благодарностью. Может, он и чувствовал в себе силы работать самостоятельно, но потребность в крепком плече наставника еще не растворилась в его амбициях...

## Глава 2

«Молодая и красивая» действительно оказалась таковой. Юная и прелестная особа с большими глубоководными глазами цвета спокойного моря. Осветленные волосы, модная «химия», легкий налет косметики на нежном личике, аппетитного вида большие и четко очерченные губы. Красный шелковый халат с золотым шитьем; в нем она смотрелась так же роскошно, как сказочная принцесса в бальном платье.

Богдан оторопело уставился на это чудо красоты, зато Ревякин не растерялся.

– Здравствуйте, девушка. Тут у вас, говорят, Карлсон на крыше поселился, белье с балконов таскает. Вы, случайно, не видели, может, пролетал мимо?

Молодая и красивая, похоже, юмора не поняла. Глянув на капитана как на клинического идиота, она мысленно спросила себя, зачем открыла дверь. И тут же постаралась исправить свою ошибку. Но Ревякин подставил ногу, заблокировав дверь.

– Мы из милиции, девушка, – сказал он, предъявив служебные корочки.

– Из милиции? – испугалась она.

Настоящий опер должен чувствовать чужой страх, как это умеет делать бойцовый пес. И чувствовать, и реагировать на него. Неудивительно, что Ревякин вцепился в девушку

ВЗГЛЯДОМ.

– А чего вы так испугались, гражданочка? – подозрительно сощурился он.

– Я испугалась? – робко возмутилась красавица. – Нет, вам показалось...

– А Карлсон к вам не залетал? – спросил Богдан.

Он постарался придать своему голосу бравурную раскованность. И это ему, похоже, удалось. Хотя и с трудом.

– Не было никакого Карлсона, – в смятении посмотрела на него девушка.

– Может, ваш муж его видел?

– Нет у меня мужа.

– А кто есть?

– Никого.

– То есть вы сейчас дома одна? – спросил Ревякин.

– Да, одна.

– Может, к себе нас пригласите? На чашку кофе не претендуем, но хотя бы по стакану воды...

– А у вас ордер есть? – осмелела девушка.

– Ну да, ну да, сейчас же не тридцать седьмой год, – усмехнулся Ревякин. – Ну так и ордера в тридцатых годах остались. Сейчас постановления выписывают, а не ордера... Вы что, труп у себя в квартире скрываете?

– Труп?! С чего вы взяли?

– Поведение у вас, гражданочка, подозрительное... Лейтенант, давайте в прокуратуру! – Ревякин строго посмотрел.

рел на Богдана. – Скажете, что по этому адресу находится криминальный труп, пусть вам выпишут постановление на обыск...

Хитрость сработала, и девушка распахнула дверь:

– Какой труп? Нет здесь никакого трупа! Проходите, смотрите...

Квартира трехкомнатная, такая же просторная, как у Елены Владимировны, но ремонт здесь получше и мебель побогаче. Правда, порядка меньше. Вроде и пыли нет, полы не грязные, вещи в беспорядке не валяются, но не хватает домашнего уюта. Впрочем, этот недостаток с лихвой компенсировался превосходным запахом парфюма, который шлейфом расходился за девушкой. Она провела гостей по комнатам, доказывая, что никакого трупа у нее нет.

– Убедились? – торжествующе спросила она, закрывая дверь в ванную комнату, на которой и закончился осмотр.

– Значит, Карлсона вы не убивали, Карлсон улетел сам, – невозмутимо парировал Ревякин.

– Какой Карлсон? Мужчина, с вами все в порядке?

Девушка, казалось, готова была засмеяться. Истерическим смехом.

– Я же говорю, мы Карлсона ищем, – невозмутимо посмотрел на нее Ревякин. – Знаете такой анекдот? Карлсон лежит в постели, а его любовница в окно смотрит, видит мужа, а Карлсон ей: дескать, не переживай, у кого штанишки с моторчиком, тому бояться нечего. Муж уже в подъезд вхо-

дит...

Судя по ее виду, красавица не расположена была слушать анекдоты, но голос у Ревякина приятный для женского слуха, язык подвешен и речь достаточно выразительная. Девушка не то чтобы заслушалась, но и не перебивала.

– Заходит муж в квартиру, а Карлсон прыг в окно с десятого этажа. Муж заходит в спальню. «Дорогая, кто у нас тут был?» – «Никого», – отвечает она. – «А чьи это штанишки с моторчиком?..» Вот и у нас примерно такая же ситуация. Забыл Карлсон свои штанишки. Без штанишек с балкона спрыгнул...

– Какие штанишки? Какой балкон?

– С моторчиком штанишки. А спрыгнул он с вашего балкона. Сегодня...

Ревякин зашел в спальню, открыл дверь, вышел на балкон.

– Есть свидетели, которые видели, как с вашего балкона сегодня спрыгивал человек... Может, мне сказать об этом громче?

Девушка в отчаянии мотнула головой. Она вовсе не хотела, чтобы Ревякин разнес эту новость.

– Я тоже думаю, что нам не нужно выносить сор из избы, – возвращаясь в комнату, сказал Ревякин. – Да, кстати, гражданочка, как вас называл этот Карлсон?

– Не знаю я никакого Карлсона, – подавленно вздохнула девушка. – А зовут меня Нина.

– И с вашего балкона, Нина, никто сегодня не спрыгивал?

– Нет.

– И муж ваш сегодня не приходил?

– Нет.

– А кто приходил? С кем вы живете? – спросил Ревякин, вынимая из платяного шкафа полосатую мужскую пижаму как минимум пятидесятого размера.

– Живу... – еще горше вздохнула Нина. – Он иногда приезжает...

– Кто он, муж или сожитель?

– Глеб его зовут...

– Значит, сожитель...

– Это не ваше дело, – исподлобья глянула на Ревякина Нина.

– Согласен. Абсолютно с вами согласен, гражданочка. С кем вы живете, это ваше личное дело...

Капитан не договорил. Кто-то позвонил в дверь, и он осекся, выразительно глянув на Богдана.

Кто-то звонил в дверь, но Нина не двигалась с места. Ревякин легонько взял ее за руку, подтолкнул к двери:

– Может, откроете гостю?

– Э-э... Я не знаю...

– Давай, девочка, давай!

Нина явно не хотела открывать дверь, но Ревякин умел настаивать на своем.

В квартиру вошел высокий молодой человек с правиль-

ными чертами лица. Лет двадцать пять ему, вряд ли больше. Черные как смоль волосы, модельная прическа, загорелое лицо, спортивного склада фигура, модная рубашка, вареные джинсы, дорогие кроссовки, в руке полиэтиленовый пакет с рисунком. Взгляд сильной, уверенной в себе личности, но при этом в нем чувствовалась настороженность. Может, потому он и вздрогнул пугливо, когда из одной комнаты к нему вышел Ревякин, а из другой Богдан.

Парень шагнул назад, но Ревякин осадил его резкой и усмиряющей фразой:

– Стоять! Милиция!

– Милиция?

Богдану показалось, что парень облегченно вздохнул. Не милиции он побаивался, его пугало нечто другое. Пугало, но все-таки в квартиру он зашел, ни о чем не спрашивая.

Ревякин взял Нину под локоток, увел в сторону, а сам вплотную подошел к гостю.

– Что в пакете? – спросил он и силой вырвал ношу из рук.

– Эй, что вы творите? – запоздало возмутился парень.

Но было уже поздно. Капитан достал из пакета джинсовые брюки и рубашку.

– Так, значит, это ты Карлсон, который прыгает с балконов и ворует чужие вещи?

– Я не воровал, – мотнул головой парень.

– Одолжил? – подсказал ему Ревякин.

– Ну, в общем, да... Вот переоделся и принес...

– А если бы Глеб здесь был? Сбежал от него, а теперь что, нарываешься?

– Не нарываюсь, – пожал плечами гость. – Просто его здесь нет.

– Откуда знаешь?

– Знаю. Глеб на черной «Волге» ездит. Нет «Волги» во дворе...

– На черной «Волге?». Что, начальник большой? – спросил Ревякин. И сам же себе ответил: – Да нет, если бы начальником был, с водителем бы ездил. Водитель с машиной уехать мог, а начальник остаться. Но ты знаешь, что машину он сам водит... Кстати, я бы документы твои посмотрел.

– Так нет документов. Я их с собой не ношу.

– Да? Ну ладно. В любом случае нам придется тебя задержать. А там и личность твою выясним.

– Не надо ничего выяснять. Дима меня зовут. Дмитрий Геннадьевич Ковальков. Шестьдесят четвертого года рождения, проживаю в городе Народовольске, улица Казанская, дом сорок восьмой, квартира шестнадцать... Поехали по этому адресу, я вам документы покажу...

– Видел я твои документы, – усмехнулся Ревякин. – У кого-то усы, лапы и хвост документы, а у тебя вот это! – потрянул он пакетом, в который сунул ворованные вещи. – По этим документам в КПЗ тебя и примут...

– Какая КПЗ, начальник? Что я такого сделал?

– Статья сто сорок четыре, тайное хищение личного иму-

щества граждан, лишение свободы до двух лет.

– Так я же все вернул! – возмущенно протянул Дмитрий.

– Кому ты что вернул? Потерпевшие этажом ниже живут, а ты сюда пришел... А может, вы тут краденными вещами торгуете?

– Да нет, начальник, никакими краденными вещами никто здесь не торгует. Просто я хотел подбросить эти вещи на нижний балкон...

– Понятно. Только это ничего не изменит... Лейтенант, давай за понятыми, будем оформлять изъятие...

– Не надо понятых!.. Командир, ты чего? Я же ничего такого не делал! Просто обстоятельства так сложились... Давай договоримся, начальник!

Парень полез в карман джинсов, достал оттуда пару двадцатипятирублевых купюр.

– Что это? – строго спросил Ревякин.

– Ну, решение вопроса...

– Взятка?.. А знаешь, что за это бывает?

Ревякин всем своим видом давал понять, что денег не возьмет. Поэтому Дмитрий поторопился вернуть их в карман.

– Ну, войди в положение, начальник. Мы же мужики, должны понимать друг друга. Да, шуганули меня, да, спрыгнул с балкона в одних трусах, а тут джинсы висят, рубаха... Не бежать же мне голым!

Ревякин в раздумье посмотрел на Богдана:

– Что скажешь, лейтенант?

– Он же вправду вещи вернуть собирался, – пожал плечами Богдан.

Он понимал, что в идеале нужно было оформлять изъятие краденых вещей, тащить Ковалькова в отделение, возбуждать уголовное дело, через следователя доводить его до суда. Это раскрытое дело, «палка» в отчетности, благодарность от начальства. А за отсутствие таких вот «палок» могут серьезно наказать...

– Да, но кража-то была.

Ревякину не хотелось терять галочку в графе раскрываемости, но ведь он человек, а не зверь бездушный, тоже понимал, что парень стал жертвой обстоятельств, не более того.

– Была. Но лучше спустить все на тормозах, чем нажать потом труп.

– Труп? – задумался Ревякин.

– Если мы предадим дело огласке, то может дойти до крайности. Муж узнает о любовнице и убьет его. Так иногда бывает.

– А что, может и узнать, – усмехнулся капитан. – И убить может... Но нам это на руку, лейтенант. Мы-то будем знать, кто убил гражданина Ковалькова. А раскрытое убийство – это тебе не шуры-муры под кустами.

Ревякин вроде бы шутил, но Богдан знал, что рассуждал он всерьез. «Незримый бой» с преступностью – основа советской милиции, а борьба за показатель раскрываемости –

ее производная. Но, увы, второе уже давно затмило первое, и для оперативника вроде Ревякина гораздо важней было раскрыть преступление, чем его предупредить. А Илья далеко не самый худший представитель уголовного розыска, он один из лучших. Во всяком случае, Богдан так считал всерьез...

– Какое раскрытое убийство? – пренебрежительно усмехнулся Ковальков. – Если Глеб меня грохнет, вы ничего не докажете. Он в законе, он умеет заметать следы...

Какое-то время Ревякин смотрел на Дмитрия с раскрытым ртом. Наконец он опомнился.

– В законе? Законный вор?.. Глеб?.. Глеб Рычагов?.. Рычаг?!

– Ну да, он самый.

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно.

– Ты самоубийца?

– Нет, просто я люблю Нину.

– Думаю, нам надо поговорить с тобой, парень. По душам и без протокола. Только не здесь. Поедем в отделение. Только прошу тебя, без фокусов. Будешь убежать, шум поднимется, соседи сбегутся; тогда все узнают, что у Нины кто-то был... Или тебе все равно?

– Да нет, не все равно. Я и пришел для того, чтобы узнать, как тут всё...

– Пока нормально. Поэтому нам нужно тихонечко отсюда

уйти. Не дергайся, парень. Ты же не хочешь, чтобы мы объявили тебя в розыск? Ты же не хочешь, чтобы об этом узнал Рычаг?

Дмитрий этого не хотел, поэтому позволил себя увести. Ревякин мог бы надеть на него наручники, но делать этого не стал. Похоже, Ковальков для него из разряда обвиняемых переместился в графу «потерпевшие». Поэтому он не стал обращаться к Елене Владимировне за заявлением. И вещи ей заносить не стал, чтобы она не увидела любовника своей соседки. Баба она неглупая, может и догадаться, что к чему. Разнесет новость, как та сорока, и где тогда гарантия, что с Ниной ничего не случится?

Богдан еще не знал, кто такой Рычаг, но, судя по реакции Ревякина, это была крупная рыба в криминальном болоте Народовольска.

## Глава 3

Ревякин с подозрением смотрел на новенькую синюю «семерку», водительскую дверцу которой Дмитрий открыл своим ключом.

– Твоя машина?

– Моя.

– А права?

– И права есть.

– Почему не показал? Я же спрашивал документы.

– Так вам же паспорт был нужен, с пропиской. Права для вас не документы. Или я неправильно вас понял?

– Да, в общем-то, правильно... Давай сам себя в отделение отвезешь.

Ревякин занял правое переднее место, а Богдану показал на заднее сиденье. Машина завелась с пол-оборота, двигатель работал тихо и четко, как часики; чувствовалось, что его регулировал настоящий профессионал.

– Хорошая у тебя машина, – сказал Ревякин. – Соревнования не пробовал устроить?

– С кем?

– С Рычагом. Он на «Волге», ты на «Ладе». Кто кого... Я так понимаю, гонки уже начались?

– Начались.

Машина плавно тронулась с места и, быстро набирая ско-

рость, выехала со двора.

– Не страшно?

– А я не из трусливых.

– Ты знаешь, кто такой Рычаг?

– Знаю.

– Он же тебя в порошок сотрет, если узнает.

– Если узнает...

– Узнает. Соседи расскажут, как ты с балкона прыгал... И тебе достанется, и Нине твоей.

Дмитрий так сжал баранку, что побелели костяшки пальцев, но промолчал.

– Зачем тогда к ней пришел? Зачем людям глаза мозолишь?

– Так надо было с вещами вопрос решить. Чтобы соседи не болтали... А как вы узнали, что это я джинсы и рубаху стащил? Кто-то видел, как я прыгал?

– Может, кто-то и видел. Мы свидетелей не искали, сами догадались... Машина у тебя откуда?

– Так это, заработал. Кооператив у меня свой. Джинсы шьем, куртки, все такое...

– Может, и квартиру себе купил?

– В общем, да... Бизнес хорошо идет, а тут вариант удачный подвернулся...

– Женат?

– Нет.

– А Нину давно знаешь?

– Не очень. Но знаю хорошо.

– Кто бы сомневался, – хмыкнул Ревякин.

– Любовь у нас.

– Это я уже понял... Не знаю, должен ты на ней жениться после такой любви или нет, но я бы на твоём месте забрал девчонку к себе. Поверь, я Рычага хорошо знаю. Сам лично в места не столь отдаленные отправлял. Он человек очень жестокий. Он ведь Нину твою убить может, если узнает... А ну-ка стой!.. Сдай назад!

Богдану не надо было ничего объяснять, он и сам заметил, как два крепких парня в спортивных брюках избивают лежащего на земле человека. Сцена происходила возле продмага, на глазах у прохожих, но никто из них не пытался помочь несчастному.

– Богдан, ты берешь рыжего, а я лысого!

Парень с лысой головой был покрепче своего дружка, рыжего и конопатого. Именно поэтому Ревякин брал его на себя.

– Милиция! Уголовный розыск!

Он первый подбежал к своему бритоголовому, схватил его за руку, пытаясь заломить ее за спину. Но тот вырвался из захвата и ударил Ревякина локтем в челюсть. Тут же последовал второй удар ногой, с разворота и точно в голову. Бил парень из неудобного положения, поэтому он покачнулся, и удар удался не совсем. Ревякин получил пяткой в ухо, но на ногах устоял. Лысый вернулся в исходное положение и тут

же нанес новый удар. И снова ногой. Это был классический «маваши»; наносился он из устойчивого положения и со знанием дела, а Ревякин, похоже, находился в состоянии нокдауна, что делало его легкой добычей для распоясавшегося каратиста. Но Богдан спас положение. Он поймал на взлете ударную ногу, провел подсечку под опорную и уложил противника на спину так, что в падении тот основательно приложился к земле затылком.

Тут же Городовой попал под раздачу со стороны рыжего. Он уловил опасное движение боковым зрением, отреагировал на него быстро и точно. Ударную ногу блокировал и тут же основанием ладони ударил в челюсть – четко, как на тренировке, сильно, как в бою. Рыжий рухнул на землю и затих. Даже добивающий удар не понадобился. Но нагнуться Богдану пришлось. Заученным движением он заломил противнику руки за спину и защелкнул на них стальные браслеты. А Ревякин занялся лысым – со всей к нему пролетарско-милицейской ненавистью. Скрутил его, взял в наручники. Он не церемонился, поэтому задержанный взвыл от боли. Наручники – дело серьезное; неправильно их надел, и все, перелом запястья гарантирован. Но, возможно, именно этого Ревякин и добивался.

– Лежать!

Поднимаясь, капитан ударил лысого по почкам, затем схватил его за футболку и подтащил к лежащему на животе рыжему. А Богдан тем временем занялся потерпевшим.

Пузатый мужчина с плешивой головой и двухдневной щетиной на лице не внушал доверия своим видом. Глазки мутные, прохиндейские. Нос расквашен, губы разбиты, на переносице вздувается гематома, но, похоже, это для него не повод жаловаться на своих обидчиков.

– Лейтенант Городовой, уголовный розыск! – с гордостью заявил о себе Богдан.

Но удостоверение показывать не стал. Зачем, если и так все ясно. Обычные люди с наручниками на поясе не ходят, и с табельным оружием в кобуре тоже.

– Спасибо вам, лейтенант... Спасибо... – закивал плешивый, делая назад шаг, другой.

– Эй, куда?

– Да мне домой надо, жена ждет.

– Подождет! – отрезал Ревякин. – С нами поедешь... Так, а где этот, Ковальков который?

Действительно, синей «семерки» и след простыл. Удрал Ковальков.

– Ускакал Дима.

– Ладно, давай в магазин, телефон там, наряд вызови...

Вдоль витрины магазина по тротуару до самого крыльца стояли деревянные ящики. Совсем недавно за этим своеобразным торговым рядом сидели базарные бабки, торговавшие всякой всячиной. Кого-то испугала драка, кто-то исчез отсюда с появлением милиции, поэтому и опустел этот импровизированный рыночек. Но бабки никуда не денутся, ра-

но или поздно они вернутся сюда, и тогда их можно будет допросить как свидетелей.

В магазине Богдан сориентировался быстро – нашел служебный вход, прошел в бухгалтерию, предъявил удостоверение и потребовал телефон. Позвонил в дежурную часть, вкратце доложил обстановку, затребовал наряд. Не пешком же вести задержанных, хотя до РОВД рукой подать.

Ревякин даром времени не терял. Он насел на потерпевшего, в буквальном смысле прижал его к стене.

– Как это тебя никто не бил? Что ты несешь, клоун? Я тебя самого сейчас закрою!

– Да говорят тебе, начальник, что никто его не трогал! – глумливо засмеялся лежащий на земле лысый. – Показалось тебе!

– Да? Это тебе мало не покажется, недоумок!

Богдан заметил, как рыжий толкнул в бок своего дружка. Дескать, зачем опера дразнишь? Все правильно, сейчас Ревякин – хозяин положения. Районный отдел милиции не институт благородных девиц, там ведь и отоварить могут по полному списку. Тем более что повод есть. Сопrotивление сотруднику милиции – особый случай, и наказывают за это жестоко, и далеко не всегда в строгом соответствии с законом.

Ревякин гневно глянул на своего обидчика и снова вернулся к потерпевшему.

– Документы ваши где, гражданин? – На этот раз он об-

ратился к нему на «вы».

– Дома оставил. А что, нельзя?

– Можно. Задержать вас можно. До выяснения личности.

И задержим, если этих покрывать будете.

– Я никого не покрываю. Просто меня никто не трогал.

– А с физиономией что?

– Упал.

– Ладно, сам напросился...

Ревякин схватил плешивого за плечо, развернул его к себе спиной и запустил руку в карман. Достал оттуда пачку «Беломорканала», мятые купюры, ключи от квартиры. Вроде бы ничего особенного. Но у Ревякина нюх на преступление. Он достал из пачки одну папиросу, осмотрел ее, понюхал.

– О-о, да у нас тут конопляная лавочка открылась!

– Это не мое! – заскулил плешивый.

– Ну да, конечно... – возвращая папиросы в карман, сказал Ревякин. – Богдан, давай понятых!

Он снова изъял начиненные коноплей папиросы, на этот раз под протокол, в присутствии понятых. К двум задержанным добавился третий, а подъехавший наряд патрульно-постовой службы забрал их всех. Места в машине было мало, а тесниться Ревякин не захотел, поэтому в отдел он отправился пешком. И Богдан последовал за ним.

– Ловко ты этих каратюг оформил, – поощрительно улыбнулся капитан. – Хорошая у вас в школе подготовка была.

– Не жалуюсь.

Личное дело из Высшей школы милиции еще не поступило, так бы Ревякин знал, где служил Богдан до того, как стать курсантом. А сам он не рассказывал. В армии служил? Служил. Вот и весь разговор. А служил Богдан в спецназе МВД, в элитном подразделении, заточенном на обезвреживание возможных террористов. Это не служба была, а сплошное издевательство над организмом. Нагрузки были столь невероятными, что даже к дембелю Богдан едва к ним привык. Зато за время службы многому научился. И Высшая школа МВД после этого ада показалась ему раем, хотя и там он продолжал заниматься боевым самбо. Соревнования, первенства, чемпионаты, медали, кубки – все было. И значок «Мастер спорта СССР» достался ему вполне заслуженно.

– Думаю, мы с тобой сработаемся, – покровительственно подмигнул Ревякин.

– Надеюсь, – сдержанно улыбнулся Богдан.

– Ковалькова мы упустили, ну да и черт с ним. Все равно «палку» срубили. И даже не одну. Наркоторговца взяли и двух его клиентов. Мы им еще и хулиганку пришьем... А ведь и упустить могли. Крепкие ребята, очень крепкие. Чувствуется подготовка...

– Вот и я о том же, – кивнул Богдан. – Не похожи эти ребята на наркоманов. И не за наркоту они плешивого били...

– Может, за то, что плешивый торговал, а с ними не делился?

– А он должен был с ними делиться?

– Да. Потому что за ними сила. Не будешь делиться – получишь в глаз. Логика проста... Все дерьмо к нам из Америки лезет: капитализм, рэкет... Мало нам ворья всякого, так еще и эта шелупонь рэкетирская на улицы выползла...

– Я так понимаю, там дикий рыночек у продмага был, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказал Богдан.

– Что-то в этом роде, – кивнул Ревякин. – Там бабки паленой водкой торгуют. С водкой, сам знаешь, напряженка, а там всегда за пятнадцать рублей можно взять. И сигареты у них импортные, поштучно... В общем, деньги там крутились, а где деньги, там и рэкет. Я думаю, лысый и рыжий у бабок деньги вымогали... Давай так: ты сейчас рыжего на себя возьмешь, а я лысого. Он тебя в деле видел, он с тобой бороться не будет. Сам попробуй его расколоть. Если вдруг получится, в протокол рэкет не вноси. Мы им хулиганку шить будем, а то ведь рэкета у нас в стране как бы и нет. Ни рэкета, ни организованной преступности. Даже секса, и того нет. Как только дети на свет появляются?.. И секс у нас есть, и рэкет... Ты думаешь, на чем Рычаг погорел? Мы его на вымогательстве взяли. Кто такие цеховики, знаешь?

– А у нас что, в стране подпольные производства есть? – усмехнулся Богдан.

– Нет конечно! – тем же ответил ему Ревякин. – А если серьезно, был у нас тут один деятель, кроссовки шил и продавал. Раньше за это дело срок можно было получить, поэтому воры на цеховиков и наезжали. Ну, ты смотрел «Воры в зако-

не», там все понятно, если знать. И у нас такая же ситуация была. Рычаг наехал на этого деятеля, давай, говорит, плати. Тот заплатил. А Рычагу мало показалось. Он снова наехал. Деятель платить отказался, так Рычаг его банально избил. Только силу малехо не рассчитал. Деятель этот на больничную койку попал, следовательно к нему пришел, а тот ему все возьми да расскажи... Правда, Рычага не за рэкет взяли – не было у нас такого социального явления и быть не могло. Мы его с наркотой на кармане взяли, на том и закрыли. На три года. А в прошлом году он вышел и за старое взялся. Бригада у него своя... Здорово, Саша!

Ревякин пожал руку проходящему мимо офицеру. Вместе с Богданом они подходили к зданию РОВД Советского района, где их ждала борьба за повышение уровня раскрываемости...

## Глава 4

Тридцать седьмой год канул в Лету, но его дух сохранился в милицейских застенках. Богдану самому стало не по себе, когда он оказался в помещении для допросов, которое размещалось в подвале здания, у входа в КПЗ. Что же тогда должен был ощущать задержанный? Освещение здесь тусклое, отчего грязные разводы на давно не крашеных стенах казались пятнами крови. Старинный канцелярский стол, стул за ним, стоящая по центру комнаты табуретка, намертво вмурованная в пол, – вот и вся мебель. Окон здесь нет вообще, вентиляция плохая, поэтому душно. Но у Богдана на столе работает вентилятор, ему легче, чем задержанному.

Огневая подготовка делится на две части – теоретическую и практическую. Богдан владел и тем, и другим. Но беда в том, что проверяющий мог потребовать конспект с описанием и тактико-техническими характеристиками пистолета «ПМ» и автомата «АКСУ-74». Вот и приходится ему переписывать содержимое учебника в тетрадь. Вид у него серьезный, сосредоточенный, к тому же он никуда не спешит и может сидеть в этой комнате хоть всю ночь. И задержанный демонстрирует то же самое. Дескать, что в камере сидеть ему, что здесь.

Личность его уже установлена. Несмеянов Виктор Петрович, семидесятого года рождения. Лицо простое, открытое,

не обезображенное интеллектом. Рыжие волосы, конопатое лицо. И наглая ухмылка от подбородка до правого уха. Ноги вытянуты, руки за спиной. В таком положении он просидел не меньше двадцати минут, но вот ему надоела такая поза, он сменил ее на одну, затем на другую. Табуретка жесткая, неудобная, и камера сама по себе создает нервную обстановку. Потому и закололо Несмеянова изнутри, потому и залезил он, как вошь на гребешке. Нервы у парня зачесались, а это как минимум неприятно. Если такую чесотку не унять, то можно и умом тронуться.

– Слышь, начальник, ты чего там пишешь?

– Почему начальник, а не товарищ лейтенант? – не отрывая глаз от бумаги, спокойно спросил Богдан.

– Какой ты мне товарищ? Ты гражданин, – презрительно скривился Несмеянов.

– И все-таки почему начальник?.. Приводы в милицию были?

– Нет.

– Криминальная среда обитания?

– Чего?

– Среда, говорю, криминальная. Ты в ней как в том болоте. Потому я для тебя начальник, а не товарищ... А гражданином я стану, когда тебя осудят. Ты уже к этому готов?

– Слышь, лейтенант, а за что меня осуждать? Что я такого сделал?

– Ну вот, уже лейтенант... Исправляться начинаешь,

Несмеянов.

– Чего исправляться? Я с детства правильный.

– Потому и человека избил?

– Кого я избил? О чем ты, лейтенант?.. Не бил я никого.

Кто видел, а? Кто показания даст?

– Потерпевший показания даст.

– Ты что, не слышал, он же ясно сказал, что упал. Асфальтная болезнь у него. Знаешь, что это такое?

– Не надо ля-ля, Несмеянов. Мы точно знаем, что вы избили гражданина Багрянюка. И знаем, чем он занимался. И что ему за это срок светит, тоже знаешь. Изготовление и сбыт наркотических веществ – статья очень серьезная...

И ответственность по этой статье невероятно страшная – аж целый год лишения свободы. За систематический сбыт – пять лет, но как доказать, что Багрянюк занимался этим регулярно? Данных по нему нет, значит, в поле зрения органов он попал впервые. Можно привлечь его за посев конопли без разрешения, это уже два года лишения свободы, но он скажет, что не выращивал травку, а случайно нашел ее на улице.

Но мы с ним договоримся. Он дает показания против тебя и твоего друга, а мы закрываем дело. Такая вот арифметика...

– Ну и что, дал он показания? – настороженно спросил Несмеянов.

– Нет.

– О чем тогда разговор?

– Увы, гражданин Багрянюк пока не может дать показаний. Судмедэксперт обследовал его на предмет телесных повреждений и обнаружил у него разрыв селезенки, – слукавил Богдан. – А ты знаешь, что это такое?

На самом деле с Багрянюком ничего страшного не случилось. Под нажимом Ревякина он с ходу дал показания против своих обидчиков. Деньги у него Журавлев с Несмеяновым вымогали...

– Да мне по барабану, что там. Я его пальцем не тронул...

– Разрыв селезенки – это умышленное телесное повреждение, повлекшее за собой потерю органа. Это тяжкое телесное повреждение. И срок за него – восемь лет лишения свободы. А если мы докажем, что эти действия носили характер истязания, то сядешь на все двенадцать лет. Тебе это надо?

– Э-э, какие двенадцать лет, начальник? – разволновался Несмеянов.

– Багрянюка увезли в больницу, Ревякин поехал вместе с ним. Он допросит его, а потом займется твоим другом. У него к Журавлеву большие претензии. Сам знаешь, за что...

– Так кто ж знал, что вы из ментовки! Налетели, как петухи...

– Ты это прекращай, – покачал головой Богдан. – Учись подбирать слова. А то скажешь такое в камере при честном народе, сам петухом на парашу налетать будешь... А насчет «знали не знали» Ревякин крикнул вам, что мы из милиции.

– Так не слышали...

– Удары по ребрам, жертва стонет, да?

– Ну да, удары, стоны...

– А говоришь, ничего не было, – усмехнулся Богдан.

– Так ничего и не было. Мужик упал и давай себя в грудь колотить. И еще ногами сучит, как псих ненормальный!

– Ну, вы ему и помогли. Ногами... Короче, Несмеянов, ситуация такая. В ближайшем будущем капитан Ревякин займется твоим дружкой. Это я человек спокойный, мирный, в общем-то, безобидный, а с Ревякиным шутки плохи. Он умеет убеждать людей. И дружка твоего убедит. Поверь, Журавлев во всем сознается, но спишет все на тебя. Скажет, что ты истязание организовал. Слышишь, Несмеянов, истязание, а не просто избиение. Ты как организатор получишь все двенадцать лет, а он трешкой отделается... Правда, ему за сопротивление сотруднику милиции отсыпят, но это уже не твои проблемы. Ты тоже пытался меня ударить, но со мной этот номер не прошел, поэтому я к тебе претензий не имею. Более того, предлагаю воспользоваться уникальной возможностью чистосердечно во всем признаться...

– Я Журавля не сдам, – покачал головой Несмеянов. – И он меня не сдаст.

– А кто предлагает тебе Журавлева сдавать? Это Ревякин заставит его тебя сдать. А я тебя чморить не собираюсь. Напишешь, как все было, с чего началось, а кто начал, писать не надо.

– Не буду я ничего писать!

– Думай, Несмеянов, думай. Я тебя не тороплю. Мне всю ночь дежурить; что с тобой тут сидеть, что у себя в кабинете...

Богдан придвинул к себе учебник и снова стал писать. *«При стрельбе стоя из пистолета туловище и ноги стрелка занимают положение, как при гимнастической стойке: ступни ног расставлены примерно на ширину плеч; вес тела равномерно распределен на обе ноги...»*

В помещение стремительным шагом зашел Ревякин.

– Ну как тут у тебя? – спросил он, глянув на Несмеянова, как Сталин – на Троцкого.

– Да пока никак. Ничего не знаем, никого не трогали...

– Ну и зря. Багрянюк показания дал, все как было расписал...

– Как, уже? – изобразил удивление Богдан.

– Почему уже? Нет, он еще до того, как в больницу, все расписал. Я только протокол допроса оформил и на подпись ему дал... Пойду к Журавлеву, поговорю с ним. – Ревякин сказал это с таким видом, как будто собирался идти на сытный ужин после трехдневного голодания, даже руки в предвкушении удовольствия потер.

Он вышел из комнаты, и вскоре послышался лязг решетчатой двери, голоса: это дежурный по изолятору впускал его в свои владения. А минут через десять послышался душевраздирающий стон – как будто шкуру с кого-то живьем сди-

рали.

– Что это? – испуганно встрепенулся Несмеянов.

– Что, ужасов на видуке насмотрелся? – усмехнулся Богдан. – Не бойся, у нас тут живые мертвецы не ходят. Здесь все гораздо проще. Это у Ревякина такая манера разговора...

Сеанс устрашения продолжался. Сначала послышался шум ударов, а потом жуткий стон:

– Ме-енты! Па-адлы!

Это голосил бич Лука, бывший зэк, а ныне никому не нужный огрызок судьбы. В КПЗ он был частым гостем, потому что здесь и переночевать можно, и пайку получить. Действительно, бывают случаи, когда тюрьма – дом родной. Потому и совершал Лука мелкие пакости, чтобы попасть в изолятор. И операм подыгрывал по их личным просьбам.

Камера Луки находилась в отдалении от помещения для допросов, выл мужик громко, истошно, поэтому Несмеянов не мог распознать подлог.

Ирония ситуации заключалась в том, что Ревякин сейчас должен был допрашивать Журавлева в его камере. Наверняка Богдан объяснил ему, что это стонет его дружок-подельник.

– Не, я понимаю, что Журавль накосячил, но не до такой же степени! – бледный как полотно, возмущенно протянул Несмеянов.

– До какой степени? Это в живот бьют, – невозмутимо сказал Богдан, делая вид, что прислушивается к ударам. – Сей-

час его Ревякин по почкам будет бить...

– У-у-у! Мусора, суки! Ненавижу!.. Ой-ёё! Твари!

– Ну вот, началось... Мой тебе совет, Несмеянов: спасай друга. Напишешь чистосердечное, его оставят в покое. Нет – будут молотить до утра...

– Не буду я ничего писать!.. Менты, суки!..

Несмеянов закипал от злости, но голос его при этом звучал неуверенно. Страх перед расправой давил на его рассудок. А тут еще тяжесть окружающей обстановки. Да и время уже позднее, что так же тягостно действует на психику.

– Ну, не будешь и не будешь, – пожал плечами Богдан. – Только учти, твой Журавль выставит тебя крайним. Скажет, что это ты ударил Багрянюка по селезенке. И скажет, и подпишет. Он получит всего три года, а ты – двенадцать лет. Что лучше, двенадцать лет строгого режима или три года условно?

– Условно?

– Ну да. Он же сотрудничал со следствием, значит, может на условный срок претендовать. Ты вот сотрудничать не хочешь, тебе больше в тюрьме нравится, чем на свободе... Ты Рычага знаешь?

– При чем здесь Рычаг? – вздрогнул Несмеянов.

– Ну, он рэкетом занимается, и вы с Журавлем рэкетом занимаетесь...

– Рэкетом? Я даже не знаю, что это такое!

– А как топор ни назови, по лбу все равно ударит. Если

лоб тупой... Если ты в банде Рычага, то тебе бояться нечего. Он в законе, в тюрьме тебя холить будут. А если ты против него, то тебя в тюрьме хулить будут аж по самое не хочу... Может, Рычаг водку паленую бабкам базарным поставляет, а вы с них деньги трясите?..

– Да нет, не поставляет он водку, – мотнул головой Несмеянов.

– А кто поставляет?

– Ну... Да не знаю я, кто поставляет. Мне какая разница?

– А травку Багрянюку кто поставляет?

– Я откуда знаю? Может, сам где-то берет. Меня это не колышет.

– Насчет водки я не знаю, только предполагаю, а вот насчет косячков... Есть информация, что Рычаг этим занимается. И Багрянюк – его человек...

На самом деле никакой информации у Богдана не было, но на допросе и мимолетное предположение можно выдать за истину в первой инстанции. И можно, и нужно. Чтобы сбить Несмеянова с толку, еще сильнее пошатнуть его душевное равновесие.

– Ну, может быть, – задумался парень.

– Такая вот петрушка у тебя на грядке растет. Кто-то коноплю выращивает, а у тебя петрушка... Багрянюк на Рычага работает, а вы с Журавлевым его жестоко избили. Как думаешь, Рычагу это понравится? Как думаешь, что тебя в тюрьме ждет?.. У тебя своя петрушка, у блатных – своя. Аж

по самые помидоры...

Несмеянов думал недолго.

– Э-э, а в тюрьму обязательно? – в лихорадочном волнении спросил он.

– Ну а как же?

– А если я во всем признаюсь?

– Если признаешься, получишь скидку. Года два, от силы три...

– А условно?

– Это если Журавля сдашь.

– Но я не могу...

– Молодец, уважаю. Друзей сдавать нельзя.

– Да он мне, в общем-то, и не друг.

– Все равно сдавать нельзя... Нельзя говорить того, чего не было. Но если Журавлев ударил по селезенке, то ты не должен этого скрывать. Напишешь чистосердечное признание, укажешь там, что по селезенке потерпевшего не бил. Про Журавлева ничего писать не надо. Мы сами сделаем вывод, что это он человека искалечил...

– Но это он его искалечил!

Несмеянов сам испугался своих слов, при этом он вздрогнул так, будто внутри его что-то сломалось.

– Значит, как было, так и пиши.

– Да нет, не буду я писать, – опутив голову, подавленно вздохнул парень.

И в это время из глубины изолятора послышался стон, по-

хожий на предсмертный.

– Что там такое?

Богдан изобразил переполох и вышел из помещения, не забыв закрыть за собой дверь. Ревякина он нашел в дверях одиночной камеры. Тот прикладывал палец к губам, подавая Луке знак, что концерт по заявкам оперов пора заканчивать.

– Ну как там у тебя, лейтенант? – закрывая дверь в камеру, негромко спросил Ревякин.

– Думаю, сломается.

– Тут не думать, тут ломать надо... Мой уже ломаться начал.

– Мой вроде бы тоже.

– Это твое первое серьезное дело, лейтенант. Если справишься, значит, будет из тебя толк. Если нет... все равно молоток. Ну, давай к своему, а я к своему.

В комнату к Несмеянову Богдан зашел с трагическим видом.

– Все, нет больше Журавля... Что теперь делать, не знаю, – в наигранной растерянности проговорил он, пальцами массируя свои виски. – Я здесь ни при чем, но и мне влететь может...

– Как это ни при чем! Все вы здесь при чем!.. Что вы, падлы, с Журавлем сделали?

– А что такое? – Богдан глянул на Несмеянова так, будто только что очнулся от забытья.

– Как что? Вы, мусора, Журавля убили!

– Ну да, убили. Но это наша проблема... И что с тобой делать, тоже наша проблема.

Богдан никогда не замечал за собой особого артистического дара, значит, он превзошел себя, если Несмеянов принял его страшный взгляд за чистую монету.

– Эй, лейтенант, ты чего? – в замешательстве спросил он.

– А ты чего?

– Ничего... Ничего не видел, ничего не знаю! – торопливо мотнул головой Несмеянов.

Богдан сумел передать ему свои наигранные самой ситуацией мысли, и он поверил, что его могут убить как опасного свидетеля.

– Не видел. Но знаешь.

– Не знаю!.. Если надо, чистосердечное признание напишу!

– Надо! – Богдан положил на стол бумагу, ручку. – Пиши.

Ждать пришлось долго, не меньше часа. За это время Несмеянов заполнил всего лишь один лист. Почерк не самый крупный, но все-таки мог бы написать и побольше.

– Так, вы с другом Борей шли по улице по своим делам. Так, какой-то мужик сказал вам грубое слово, вам это не понравилось, и вы набросились на него с кулаками. Верней, кулаками бил только ты, Виктор Петрович, а Журавлев бил исключительно ногами. Ты сбил жертву с ног, а Журавлев начал бить его ногами. А бил ты только в лицо... Ну да, все правильно, кодекс чести, лежачего не бьют... Какой там ко-

декс чести? Ты что, Рыцарь печального образа, Несмеянов? Или хрен с бугра царских кровей?

– Ну, так я карате занимаюсь, у нас строго, – пожал плечами Несмеянов.

– Система восточных единоборств как система духовного искусства, да?

– Э-э... вам это знакомо?..

Богдан в полемику вдаваться не стал. Несмеянов мог прозреть и отказаться от своих показаний в любой момент. Поэтому он сначала заставил его расписаться под своими словами по всем правилам уголовно-процессуальной науки и только затем продолжил разговор.

– Я самбо занимаюсь, а не карате. Самбо – это наше советское изобретение, хотя, да, Восток там присутствует. И философия примерно одна – не используй свою силу против слабого...

– Какой же он слабый, если наркотой торгует? За такое убить мало! Лично я наркотой не увлекаюсь. И пацана одного знаю, который на игле сдох...

– Это верно, за такие дела надо наказывать. Но вы-то не знали, что Багрянюк наркотой торгует... Или он вам наркоту предложил купить?

– Э-э, ну да, предложил, – быстро, но неверно сориентировался Несмеянов. – Мы отказались, а он нас козлами назвал...

– Врешь ты все, Витя. И это легко доказать. Оказывается,

Багрянюк дал показания. Я думаю, он признался, что вы с Журавлевым вымогали у него деньги. А ты мне лапшу тут вешаешь...

– Не вымогали... – замялся парень.

– А что?

– Просто он нам должен был.

– А бабки на рынке? Они тоже были вам должны?

– Ну, это наш район...

– А вот это уже интересно... Чей это ваш?

– Мы с Журавлем здесь все решаем. Если у кого-то частная лавочка, то к нам. Мы, если что, защитим.

– От кого вы защитите?

– Мало ли вдруг кто наедет...

– Кто наедет?

– Ну, Рычаг со своими. Или Зяма со своей пехотой...

– Зяма?

– Ну да, у него тоже бригада не слабая... Вы, наверное, в курсе...

– Да нет, если честно, не очень. Я здесь недавно, пока не сориентировался... Кто такой Зяма?

– Он тоже из этих, из урок. Такой же, как Рычаг. Только у него в бригаде обычные пацаны, такие как наши. Зяма весь Закамский район под себя взял, там такая война была, что мама не горюй. Это у нас в Советском районе все спокойно...

– А вы с Журавлевым, значит, Советский район представляете?

– Мы вдвоем? Да нет, весь район мы представить не можем. Мало нас для такого района...

– А кто наш район держит? Чья банда здесь заправляет?

– Ну... Паша Мохнатый со своими пацанами воду мутит, Леха Кипяток тоже быкует...

– Значит, Паша Мохнатый может на бабулек у продмага наехать? И Леха кипятком насрать, да?

– Кипятком насрать? Да запросто!

– И вы с Журавлем бабулек от них защищали?

– Ну да.

– А почему ты с Рычага начал? Почему про Зяму сказал?.. Это серьезная сила, да? А Паша Мохнатый и Леха Кипяток так себе, правильно я понял?

– Ну, Рычаг и Зяма покруче будут...

– Так, понятно. Значит, Зяма Закамский район представляет. А кто представляет Юбилейный район? Рычаг?

– Да нет, Рычаг по всему городу. Где хочет, там и кирует. У нас в Советском районе дела делает, и Пархом с Юбилейного ему не указ. С Зямой он, правда, на рожон не лезет. Зяма – родственная душа, воровская; это мы спортсмены... каратисты там, боксеры... нас он в расчет не берет...

– Кого это вас?

– Ну, меня с Журавлем...

– Хорош юлить, Витя. А то я твое хулиганство быстро на вымогательство переквалифицирую. Тогда мы всем отделом разбираться начнем, что там у вас за банда такая и чем она

занимается... Кто у вас в банде старший?

– Какая банда? Нет никакой банды!

– Витя, ты же видишь, я с тобой без протокола говорю. А это значит, что весь разговор останется между нами. Получишь годик-другой за хулиганку, отсидишь, героем выйдешь – ну, для своих дружков-бандитов. А может, и условно получишь. А так мы копать начнем, глядишь, и бандитизм тебе пришьем. А это пятнадцать лет лишения свободы. И дружки твои подумают, что ты их предал... А так никто ничего не узнает. Расскажешь мне все в порядке оперативной информации, и на этом все. Оформим тебе хулиганку, получишь два года условно, и все дела...

– Э-э, а как же тяжкие телесные повреждения?

– Нормально все, Витя. Багрянюк здесь, в КПЗ, жив-здоров, чего и тебе желает...

– А Журавль? – прозрел Несмеянов.

– И с ним все в порядке. Ревякин стружку с него снимает. Только не Журавлев кричит, есть там у нас один завывала...

Несмеянов икнул раз, другой и только затем разразился истерическим смехом.

– Ну, мусора!.. Ну, цирк!.. Как последнего лоха развели...

– Почему развели? Просто время себе сэкономили. Мы бы тебя по-любому прижали. И твоего Журавля тоже...

– Нельзя так!

Задержанный прекратил давиться смехом и пристально посмотрел на Богдана, зло. Но полную волю своему гневу не

дал. Что-то мешало ему распалиться. Что-то отдаленно похожее на уважение к лейтенанту Городовому.

– Знаю, что нельзя. Но работа у нас такая, приходится выкручиваться. Вы с Журавлем людей калечите, а нам этих людей защищать приходится. Занятие это, скажу тебе, простое... Думаю, вы с Журавлевым сядете. За хулиганство. А можете за бандитизм сесть. Это, правда, пятнадцать лет лишения свободы. Только привлечь вас будет трудно. Но если очень постараться, то все можно. Только зачем нам жилы рвать? Мы вас за хулиганство оформим, и галочка за раскрытие дела у нас в кармане... Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Поэтому давай разойдемся по-хорошему. Ты расскажешь мне, что у вас там за банда, а я позволю тебе переписать признание. Ну, чтобы никто не узнал, как ты Журавля сдал...

– Я Журавля сдал? – опешил Несмеянов.

– А кто бил только в лицо? Вспомнил?

– Э-э, я бы хотел переписать...

– Тогда расскажи мне, что у вас за банда и кто вами управляет.

Несмеянов не желал выглядеть предателем и трусом в глазах своих дружков, потому хотел изменить свои малодушные показания. А Богдан просто взял да сыграл на этом. Никакой хитрости, просто стечение обстоятельств.

## Глава 5

Ревякин медленно вел рукой над столешницей, потом вдруг резко взмахнул ею и сжал в кулак ладонь.

– Попалась, сука!

Он подошел к окну и выпустил муху на улицу.

– Видишь, я какой, Богдан, – мухи не обижу. Это с виду. А такой ли я добрый на самом деле? Не думаю. И муху обижу легко. Только эта муха по сортирам летает, если я ее раздавлю, то еще больше испачкаюсь. А оно мне надо?

– Думаю, что нет.

– Иногда, бывает, лучше отпустить мразь, чем об нее замараться.

– О чем это ты?

– Да о том. Багрянюка выпускать надо.

– Как это выпускать?

– Да так...

– Мы ж его с поличным взяли, под протокол!..

– Мы с поличным двух уродов взяли. И просто так мы их привлечь не сможем. Нужно, чтобы Багрянюк на них заявил. А он не заявит, если мы уголовное дело против него возбудим...

– Он же показания дал.

– Показаний мало, говорю же, заявление нужно. А он не хочет заявлять.

– Не хочет – заставим.

– Пойми, это не тот случай, когда можно двух зайцев убить. Тут или Багрянюка за наркоту сажать, или тех двоих. Если все вместе смешать, то тут вымогательство нарисует-ся. А это такой геморрой, что лучше не надо. Будем иметь классический случай: за двумя зайцами погнался, пальцем в небо попал... Тут что-то одно выбирать надо. Или наркота, или хулиганка, ну и сопротивление представителю власти...

– Лучше за наркоту закрыть. А этих двоих отпустить... Вернее, Несмеянова отпустить, а Журавлева привлечь за сопротивление. На сопротивление представителю власти заявление не требуется, тут по факту...

– Дело в том, что Багрянюк нам еще пригодится. Мы через него на поставщика выйдем, сеть наркосбыта накроем, а это как минимум благодарность. А может, и повышение по службе. И наш показатель повысят...

– Но мы же не занимаемся наркотой.

– Коля Скальцев занимается. Если мы ему поможем, нас в рапорте отметят... А пока Журавлева привлечем и Несмеянова...

– Я бы Несмеянова отпустил, – покачал головой Богдан.

– Это еще почему?

– Он раскололся по всей длине. Признался, что банда у них. Каратисты, боксеры, штангисты, в общем, мощные ребята. Сказал, что человек двадцать у них в банде. Главарь – некто Шурин. В прошлом году освобожден из мест лише-

ния свободы, собрал вокруг себя спортсменов, взял под контроль барахолку в четвертом микрорайоне...

– Рэкет?

– В случае с Багрянюком – да. Бабки водкой торговали, а этот – косячками. Но бабок Несмеянов не трогал. Те торговали водкой, которую Шурин поставлял. Они этих бабок охраняли, а тут Багрянюк со своей травой объявился. Они первое время его не трогали, ждали, когда он денег зарабатывает. А торговля у него пошла хорошо. Вот ребята на него и наехали. Он делиться отказался, ну, они его и оприходовали...

– Значит, водку Шурин поставляет?

– Поставляет. Что за водка, откуда, Несмеянов этого не знает...

– Водка – это жидкое золото. Значит, Шурин эту золотую жилу разрабатывает. Сто пудов, без всякого на то разрешения...

– Там не только водка. Есть еще барахолка в четвертом микрорайоне. И куча всяких кооперативов. А еще Шурин к городскому рынку присматривается. Торговые ряды в центре города он уже взял, там тоже маслом намазано. С кооперативным рестораном не получилось – там Рычаг со своими бандитами закрепился. Он же гостиницу «Кама» контролирует. Кооперативный ресторан данью обложил... В общем, Рычаг мешает Шурину развернуться. И еще есть банды, с которыми команда Шурина на ножах. Одну возглавляет некий

Паша Мохнатый, другую – некий Леха Кипяток. Один восьмой микрорайон контролирует, другой – шестой...

– Да, слышал я о таких, – кивнул Ревякин. – Уличные банды, ничего серьезного. Восьмой микрорайон всегда враждовал с шестым, пацаны из этих районов стенку на стенку сходились, драки, поножовщина, иногда трупы... Но чтобы эти ребята данью кого-то обкладывали, я не слышал. Однако времена меняются. Кооперация, коммерция. Раньше воры цеховиков обирали, теперь уличная шпана подключилась. И еще боксеры из спортзалов вышли...

– Да, шпана уличная у Мохнатого и Кипятка, а боксеры и каратисты у Шурина...

– Значит, освободился из мест лишения свободы?

– Да, в прошлом году.

– А посадили за что?

– За незаконное обучение карате...

– Да, да, был у нас такой случай... Шурин, говоришь?..

Ревякин вышел из кабинета, вернулся минут через десять, принес алфавитную карточку.

– Вот Шуринов Федор Васильевич, одна тысяча девятьсот шестидесятого года рождения... Так, действительно привлекался по двести девятой статье. Но судили его по сто восьмой, тяжкие телесные... Да, была такая история. Мы тогда Рычагом занимались, он в следственном изоляторе сидел, суда ждал. И каратиста туда же в следственный изолятор доставили. Там история и вышла. Каратист этот кого-то

из блатных сильно покалечил. Обычно по таким делам свидетели не находятся, а тут как будто кто-то команду дал каратиста этого слить. Может, Рычаг поспособствовал. За тяжкие телесные Шуринов и ушел. Вагон столыпинский, кругом решетки... Значит, в прошлом году вернулся. И Рычаг на свободе...

– Да. И я так понимаю, что между ними не все гладко. Борьба за сферы влияния, так сказать...

– Да, борьба – дело серьезное... Только нам какое до этого дело? Организованной преступностью ГУВД занимается, зачем нам у ребят хлеб отбирать?

– А если труп случится? Вдруг в драке кого-то убьют. А если Шурин прикажет убить Рычага?

– Рычаг в законе, за него особый спрос. Шурина самого к смертной казни приговорят; я думаю, он это понимает. У воров с этим очень серьезно. Там своя система исполнения наказаний. Смертных наказаний...

– Может, Шурина не испугает эта система? Или он кого-то другого прикажет убить. Того же Пашу Мохнатого...

– Все может быть, – кивнул Ревякин. – Вон в Москве чуть ли не каждый день кого-то убивают. Как бы и у нас тут беспредел не начался. Все к этому идет... Да, ты прав, Богдан, информатор нам в этой банде нужен. И если Несмеянов созрел для этого, надо его срывать... Но Журавлева мы оформим. За сопротивление представителю власти...

– А с Багрянюком что?

– Понимаешь, лейтенант, в чем дело, – скривил губы Ревякин. – Работа с агентами – дело тонкое, щекотливое, я бы даже сказал, интимное. Вот нас целая команда – начальник наш Вася Шумов, Олег Варенцов, Ренат Батаров, Юра Филиппов, Гена Федорук, Коля Скальцев. Коллектив у нас крепкий, что называется, спаянный и споенный. Мы во всем друг другу помогаем, даже «палками» по раскрываемости делимся. Потому что без этого нельзя. Не будет коллектива – не будет и работы. Но у каждого из нас есть свои деликатные дела. Или даже интимные. Жены, любовницы – это личное. И агенты тоже из этой серии. У каждого свои агенты, Богдан. Ты находишь человека, сам решаешь с ним, сам его выпутываешь, берешь его на расписку, работаешь с ним. И работаешь так, чтобы никто про него не знал. Преступный мир – это очень серьезно. Малейшая утечка информации – и всё, агента твоего находят с перерезанным горлом. Предателей у нас нет, но утечка из-за дырки бывает, а дырку может пробить просто неосторожно сказанное слово... Короче, если ты хочешь Несмеянова завербовать, ты не должен никому об этом говорить. Никто не должен о нем знать. Так лучше для дела... Ну, чего приуныл? – засмеялся Ревякин. – Не так все плохо. Есть у нас и общие агенты, с которыми работают все или некоторые. Мы будем некоторыми. О Несмеянове будем знать только мы с тобой...

– А про Багрянюка кто будет знать? – с благодушной иронией в сощуренных глазах усмехнулся Богдан.

– Правильно соображаешь, – весело подмигнул ему Ревякин. – Знать о нем будешь ты... Но с ним уже работают. Кто, я знаю, но тебе не скажу.

Богдан кивнул, соглашаясь. Незачем ему это знать. Но догадываться он может. Ревякин про Скальцева говорил, возможно, Багрянюк этому оперу и настукивает...

– Если тебе вдруг по наркоманам надо будет узнать, ко мне обращайся, – сказал капитан. – Или к Скальцеву. Мы тебе всегда поможем. Но и ты, если вдруг что, должен нам помочь...

Разговору помешал телефонный звонок. Оперативный дежурный собирал на выезд группу. Разбойное нападение на улице Герцена.

Первым делом Ревякин выяснил, что произошло. Сам связался с экипажем патрульно-постовой службы, уже прибывшим на место, опросил старшего. Оказалось, что двое неизвестных в масках проникли во двор частного дома, топорами зарубили собаку, вломились в дверь, связали жильцов, жестоко избили главу семейства и выпытали у него, где находятся деньги. Забрав добычу, эти двое благополучно скрылись. Узнав об этом, Ревякин велел вызвать на место происшествия кинолога с собакой, только тогда отправился туда сам.

Улица Герцена отделяла частный сектор от новостроек восьмого микрорайона. С одной стороны тянулись одно- и двухэтажные дома, а с другой темный в ночную пору пу-

стырь, за которым светились окошки крупнопанельных высоток.

Возле дома тихо крутил маячками «уазик» патрульно-постовой службы. Калитка открыта, перед крыльцом в луже крови лежала убитая овчарка. Собака еще не совсем взрослая, годовалая, потому справиться с ней было не так сложно, как с матерым псом. Дверь взломана топором. В доме плакала женщина, ее успокаивали сын и дочь. Отца не было – его уже увезли в больницу с травмой черепа.

– Вы слышали, как дверь взламывали? – первым делом спросил Ревякин.

– Слышали. Иван вниз побежал, они его ударили, – сказала женщина и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

– Куда они ушли?

Мальчик показал на дверь.

– Ладно, разберемся...

Ревякин вышел во двор, осмотрелся. От крыльца к воротам тянулась асфальтированная дорожка, судя по всему, преступники по ней подошли к дому. И обратно убрались тем же путем.

Милицию вызвали сами ограбленные, после того как неизвестные покинули дом. Это Ревякину и не нравилось.

– Такая вот жизнь у нас, Богдан. Собака, наверное, скулила, когда ее убивали. Дверь наверняка с шумом взламывали. И никто из соседей нам не позвонил...

– Может, не слышали?

– А если слышали?.. Вот как с такими людьми работать? Сами палец о палец не ударят, а милиция у них во всем виновата.

К дому подъехала еще одна служебная машина.

– Ну вот и кинолог пожаловал... У тебя разряд по бегу есть, Богдан?

– Есть.

– Буду рад, если он тебе пригодится.

Борьбой Богдан начал заниматься еще до армии, но до тех пор он еще не знал толком, что это такое изнуряющие кроссы и марш-броски. И в армии он этого с лихвой глотнул, и в школе милиции. И так поднаторел он на этом деле, что хоть сейчас готов был выполнить норму первого разряда по бегу на три километра.

Собака сразу взяла след и по тропинке через пустырь помчалась к новостройкам восьмого микрорайона. Этого и хотел Ревякин, к тому он и стремился. Да и сам Богдан был рад, что емугодились навыки бега на длинные дистанции.

Ревякин тоже бегал хорошо, и кинолог был в отличной спортивной форме, поэтому он почти не сдерживал разыгравшегося пса. Минут через десять собака вывела их к кооперативным гаражам. Ворота нараспашку, на скамейке возле сторожевой будки сидит и дремлет бородатый мужик.

Услышав шум, сторож открыл глаза. Картинка феерическая – мчащаяся на поводке собака, мент в форме, двое в штатском. Судя по выражению его лица, бородач решил, что

это сон.

Собака остановилась возле дальнего гаража. Ворота заперты на замок, но приоткрыта калитка в них. Из помещения в темноту через узкую щель сочится свет. Слышны голоса. Ревякин хотел послушать, о чем там идет разговор, но собака вдруг залаяла, и ему ничего не оставалось, как распахнуть калитку. Богдан устремился вслед за ним.

Машины в гараже не было, но вдоль дальней стены стоял диван и стол перед ним. Там-то и собралась компания из четырех человек. Трехлитровая банка с пивом на столе, бутылка водки, закуска. Два парня сидят на стульях, а третий зажимает на диване подружку. Музыка тихонько играет, стаканы звенят, девчонка хихикает. Ребята и без того не скучали, а тут еще веселья добавилось...

– Милиция! Никому не двигаться! – через прицел пистолета крикнул Ревякин.

И у Богдана в руке табельное оружие. Но, похоже, воспользоваться им не придется. Ребята с испугу вскочили со своих мест, но тут же впали в транс, замерли как парализованные. Беспомощных людей обычно называют овощами, а эти вели себя как сухая трава. Коси да в снопы увязывай, вот и вся работа.

Парней скрутили, девушку поставили в угол до выяснения, Ревякин полез в железный шкаф для инструментов, достал оттуда сумку, в которой нашлись похищенные деньги. Все, преступление раскрыто. Осталось только допросить за-

держанных, оформить материалы и передать их следовате-  
лю...

## Глава 6

Не хотел Несмеянов подписывать бумагу. Вроде бы и согласился сотрудничать с Богданом, но подкрепить договор подписью боялся.

– У тебя такой вид, как будто ты душу дьяволу собрался продать, – усмехнулся Богдан.

Ночь выдалась веселой, поспать удалось только под утро, и то не больше часа. Состояние сейчас такое, что хоть спички в глаза вставляй.

– Точно, душу свою продаю, – вздохнул Несмеянов.

– Ты ее уже продал. Когда на преступный путь встал... Думаешь, это игрушки? Нет. Сегодня мы трех бандитов арестовали. За разбой. И знаешь, кто они такие? Из банды Паши Мохнатого... И тебя такая же участь может ждать. Скажет Шурин дом ограбить и тебя на дело пошлет. А милиция не дремлет. А за разбой – это десять или даже пятнадцать лет, если с отягчающими. А предварительный стговор – это уже отягчающее... Вот в какую ты историю впутался, парень. И не мне ты душу продаешь, а Шурина своему продал.

– Но мы не грабим.

– А что вы делаете? Вымогаете?

– Ну, в общем, да...

– Вымогательство, телесные повреждения... В это ты уже вляпался. Тебе это нравится?

– Нет.

– Тогда подписывай бумагу и гуляй.

– Я лучше из дела выйду, чем так, – мотнул головой

Несмеянов.

– Не вопрос. Отсидишь свое и выйдешь, – пожал плечами

Богдан.

Это хорошо, что парень одумался. Но, увы, опер должен уметь быть циничным.

– Но мы же договорились, – кисло посмотрел на него парень.

– Мы договорились, что ты будешь мне помогать. Вот и помогай. Ты не бандит, ты наш сотрудник, и когда разгромим вашу банду, тебе ничего не будет. А мы разгромим ее обязательно. Тогда и выйдешь из дела...

– Ну, если так...

Несмеянов уже готов был дать расписку о сотрудничестве, но только он поднес перо к бумаге, как рука отдернулась.

– Не могу.

После этого Богдан уговаривал его битый час, и в конце концов драгоценная бумага легла в пустую пока еще папку для хранения агентурных материалов.

А время уже половина первого. Дежурство давно закончилось. Но ведь и Ревякин еще на месте, хотя ему тоже можно идти отдыхать.

Илья тоже выглядел усталым. Снаружи. Но изнутри он по-прежнему лучился энергией. И авторучка стремительно вы-

черчивала кривые буквы в журнале учета.

– Ну как там с Несмеяновым?

– Нормально. Подписку взял... Отпускать его надо.

– Послезавтра отпустим.

– Я думал, сегодня.

– Нельзя сегодня. Надо трое суток выдержать, чтобы отпустить потом за недоказанностью. Не так подозрительно будет... Ладно, я сам с ним на этот счет поговорю. Сейчас допишу и к нему спущусь. А потом домой... И тебе домой надо, здоровый сон – залог продуктивной работы. М-да, еще бы начальству это объяснить... В общем, давай домой. А по пути заскочишь на Красноармейскую улицу, джинсы и рубашку потерпевшей вернешь, а то совсем забыли...

– Верну.

– В подробности не вдавайся, про этого... как его...

– Ковалькова.

– Вот, вот, про Ковалькова не говори. Не важно, как нашли, главное – результат... Ладно, давай!

Ревякин вытащил из-за шкафа пакет с одеждой, отдал Богдану, пожал ему на прощание руку и снова утонул в своих бумагах.

После мрачноватых кабинетов отдела, полутемных душных коридоров дневной свет слегка ослепил Богдана. Он сощурился, жалея о том, что у него нет солнцезащитных очков. Кстати говоря, об этом неплохо было бы позаботиться.

Жарко на улице, но изнуряющего зноя нет, ветерок, идти в

такую погоду легко и приятно. Шаг у Богдана быстрый, пружинистый, а мышцы только радуются легкой нагрузке. Он и не заметил, как оказался на Красноармейской улице.

Возле подъезда стояла черная «Волга», вдоль которой взад-вперед неторопливо прохаживался крепкого сложения мужчина в темно-сером костюме. Если верить Ковалькову, Рычаг ездил на такой машине, но вряд ли человек, которого видел сейчас Богдан, был вором в законе. Для этого ему не хватало как минимум величественности, уверенности в себе. Богдан принял его за водителя «Волги». И, как оказалось, не ошибся.

Рычага он увидел на пороге квартиры номер два. Елена Владимировна разговаривала с ним через приоткрытую дверь.

Как выглядит Рычаг, Богдан узнал еще вчера. Интересно стало, поэтому он полез в картотеку. Но на вчерашней фотографии Рычаг выглядел как типичный уголовник. Бритая голова, агрессивный взгляд, устрашающее выражение лица. Сейчас же он смотрелся как обычный человек и с Еленой Владимировной разговаривал спокойно, без нажима. И на Богдана глянул без раздражения, хотя его появление, возможно, мешало разговору.

Это был высокий статный мужчина лет тридцати пяти. Грубые черты лица размыты временем, проведенным в неволе, шрам на лбу, рубец на подбородке, кожа рыхлая, темная от жизненных невзгод. Он мог показаться закоренелым уго-

ловником, если бы не манера держать себя. Высоко вскинутая голова, сановная осанка, широко расправленные плечи. Может, потому в его довольно-таки грубой сущности проглядывалась аристократическая жилка. Модельная стрижка, темный двубортный костюм – и этот внешний антураж намекал на скрытую в этом человеке изысканность.

– А-а, товарищ милиционер! – увидев Богдана, расплылась в улыбке Елена Владимировна.

Похоже, располагающая внешность вора не смогла ввести ее в заблуждение. Потому и разговаривала она с ним, не снимая цепочки с двери. И Богдану обрадовалась, потому что с ним спокойней.

– Лейтенант Городовой, – представился Богдан. И строго посмотрел на вора: – В чем проблема, гражданин?

– Никаких проблем, лейтенант, – густым рокочущим голосом отозвался Рычаг.

Теперь он знал, кто перед ним, поэтому глаза его стали холодными. И взгляд налился свинцом, который застывал по мере охлаждения. А холода все больше, потому металл затяжелел и затвердел почти мгновенно.

– Все хорошо, товарищ лейтенант, – кивнула Елена Владимировна. И взглядом показала наверх. – Вот про соседку нашу спрашивают. Пропала куда-то. Вы к ней ходили, может, что-то знаете?

– Ты к ней ходил? – пыхнул злой стужей Рычаг. – Когда ты к ней ходил, лейтенант? Зачем?

Не должна была Елена Владимировна говорить об этом, но неуловимый воробей уже вылетел.

Взгляд у Рычага суровый, плотный, с высокой силой давления, и Богдану пришлось внутренне поднажаться, чтобы выдержать его. Может, он и начинающий опер, но за плечами у него нелегкая жизнь, много чего повидал на своем веку.

Отец был потомственным милиционером, служил в уголовном розыске, но погиб, когда Богдану было шесть лет. Мать с горя спилась, жить стало не на что, и в конце концов улица стала для него домом родным. В таких условиях он просто не мог не связаться с плохой компанией. В десять лет Богдан мог отборно материться, сплевывая через каждое слово, в одиннадцать впервые влез в чужую квартиру через форточку, в двенадцать его взяли за кражу, но до интерната для трудных подростков тогда дело не дошло. В тринадцать лет его снова задержали. На этот раз шансов увернуться от наказания, казалось, не было, но неожиданно в поле зрения появился майор Кольцов, начальник уголовного розыска из соседнего района. Он взял Богдана на воспитание, потому что хорошо знал его отца. Взял и воспитал, хотя далось ему это ох как нелегко. Богдан по гроб жизни ему обязан, потому что дядя Гриша сделал из него человека...

Он хлебнул лиха в детстве, и юность у него не была легкой, потому что дядя Гриша спуску ему не давал, армия добавила твердости в характер, четыре года в школе милиции тоже не фунт изюму. А сейчас он еще и уполномоченный уголов-

ного розыска, представитель власти, и это весомый камень в фундамент его крепости. В общем, не так уж он и прост, чтобы дрейфить перед законным вором.

– Спокойно, гражданин, – с невозмутимостью матерого опера сказал Богдан. – Давайте разбираться.

Голос у него такой же густой, как у Рычага, зычный, с легкой хрипотцой. Ему не нужно было напрягаться, чтобы выдать безнадрывно-громкий звук.

Внешность у него не атлетическая, но рост выше среднего, плечи совсем не узкие. И держался он с не меньшим достоинством, чем Рычаг. И, что самое главное, он самому себе не казался карликом по сравнению с этим рослым человеком.

– Что случилось? И о ком разговор? – спросил Богдан.

– О моей женщине разговор. Ты ее знаешь, лейтенант? –

Вор сверлил его подозрительным взглядом.

– Как ее зовут?

– Нина. Нина Леднева. Из пятой квартиры.

– Знаю такую. Вчера мы опрашивали свидетелей, были у нее.

– Да, кто-то вещи моего мужа похитил, – все так же некстати встряла в разговор Елена Владимировна. – Товарищ лейтенант их искал...

– Какие вещи?

Рычаг спросил у Богдана, а ответила ему женщина:

– Брюки, рубашка. С балкона украли...

– Кто?

– Да нет, не украли. Ветром сдуло. Мы всю ночь искали, вот нашли. Под кустом валялись, у гаражей, – Богдан протянул пакет Елене Владимировне. – Вот, пожалуйста, ваша пропажа. Заявление подавать необязательно.

Женщина забрала пакет и, коротко поблагодарив Богдана, закрыла дверь. Впрочем, от этого легче не стало: она и без того уже наговорила с три короба.

– Ветром, говоришь, сдуло? – ухмыльнулся Рычаг. – Молодой ты, лейтенант, а наглый... Какой ветер? Не было вчера никакого ветра... Кто к ней на балкон забрался? Почему ты к Нине пошел? От нее кто-то спрыгнул?

Увы, но врать бесполезно. Взгляд у вора проницательный, и он уловит любое мало-мальски хитрое движение мысли. Поэтому Богдан просто промолчал.

– Кто спрыгнул, спрашиваю?

– Я знаю, кто ты такой, – взглядом утяжеляя слова, сказал Богдан. – И знаю, с кем ты живешь, Рычаг. Если с Ниной что-то случится, я тебя закрою.

Какое-то время вор смотрел на него с недоумением. Наконец он очнулся.

– Ух ты! Борзый ты, лейтенант! Откуда такой взялся?

– Таких у нас много. И житья мы тебе не дадим.

– А что с Ниной может случиться?

– Тебе видней.

– А не может с ней ничего случиться. Исчезла она. Приехал, а ее нет. Одна только записка. Извини, все такое... С

кем она ушла, лейтенант?

В ответ Богдан промолчал. Он знал, с кем ушла Нина. Дима ее забрал. И правильно сделал. Парень понял, что рано или поздно правда дойдет до вора, и тогда может случиться непоправимое.

– С кем она ушла, я спрашиваю! – завелся Рычаг.

– Не знаю, – покачал головой Богдан.

– Слышь ты, мусор!..

Вор в бешенстве вытянул руку, чтобы схватить его за ворот пиджака, но Богдан взял ее в жесткий захват и ловко выкрутил во внешнюю сторону. Чувствовалось, что сил у Рычага в избытке, наверное, на это он и рассчитывал, пытаясь задавить его физически. Но расчет оказался неверным. За Богданом не только силы мышц, но и безупречная техника, потому он легко взял верх над вором.

– Твою мать, лейтенант! – взвыл Рычаг, опускаясь на колени.

На шум в подъезд вбежал мужчина в костюме, что фланировал возле «Волги».

– Ах ты, сука!.. – Он сунул руку под пиджак, вытаскивая из-за пояса брюк пистолет.

Начальник РОВД полковник Измайлов требовал, чтобы оперативник брал оружие только на дело. Но при этом он утверждал, что дело само может прийти к оперативнику в любое время дня и ночи. Поэтому табельное оружие, как и наручники, полагалось держать при себе постоянно. Время

нынче смутное, уголовщина распоясалась... Правильно говорил. И Богдан правильно делал, что не сдавал пистолет, когда уходил домой.

Он не стремился уподобляться ковбоям из американских вестернов, но ему нравилось, как эти лихие ребята ловко хватаются за оружие. Раз, и револьвер уже в руке...

Подмышечная кобура не такая удобная, как та, что висит на поясе у ковбоя. Но все-таки и ее можно приручить. Богдан пробовал это делать, и кое-что у него получилось. Лишь бы сейчас не сплеховать.

Раз – и Рычаг избавлен от захвата. Два – и правая рука уже под полый пиджака. Три – и палец четким движением отстегивает предохранительный клапан. Четыре – и два пальца цепляют пистолет за рукоять с мелкими зубчиками. Пять – и пистолет уже в одной руке.

Пистолет снят с предохранителя, но патрона в стволе нет. Однако у Богдана свободны обе руки, и пока одна наводит оружие на цель, другая передергивает затворную раму.

Не так уж много дней он ходит с табельным оружием, поэтому потратил на тренировку мало времени. Движения вроде бы и четкие, но медленные. Ему явно не хватало сноровки. Но все-таки он оказался быстрее, чем его противник. Тот еще только целился в него, а Богдан уже выстрелил.

На тренировки по стрельбе у него ушло гораздо больше времени, чем на ковбойские упражнения. Стрелять его учил еще дядя Гриша, и в спецназе он сжег не один пуд пороха,

а в школе милиции занялся пулевым спортом, ездил на соревнования, выполнил норму на мастера, хотя значок ему и не дали. Он знал, что сможет выстрелить точно, потому рука его не дрогнула, когда он жал на спусковой крючок. Потому и попал туда, куда целился. Мужчина схватился за простреленное плечо и выронил пистолет.

В тот же момент Рычаг ударил его по руке и даже смог выбить из нее оружие. Но за это он поплатился очень жестко. Рукой Богдан зафиксировал его корпус, а ногой подсек ноги. Со стороны этот прием из боевого самбо мог показаться легким по исполнению, но Богдан знал, что это не так. Легкость в бою далась ему долгим и тяжелым учением.

Рычаг плашмя рухнул на спину, затылком стукнувшись о бетонный пол. Богдан не мог заняться им прямо сейчас, потому что его водитель мог схватиться за упавший пистолет. Мужчина в сознании, левая рука цела, оружие под ногами. Сейчас он оправится от шока, и тогда неизвестно, чем все закончится.

Богдан ударил вора кулаком в область сердца. Это очень больно – до потери сознания. Как минимум сбивается дыхание, как максимум наступает летальный исход. Тут главное не переборщить... Следующим на очереди был водитель Рычага. Захват, бросок, здоровая рука за спиной, стальной браслет на ее запястьях.

Схватив поверженного противника за шкуру, мощным движением Богдан подтащил его поближе к боссу, просунул

здоровую руку через прутья перил и вторым браслетом зацепил вора. Только затем он позвонил в дверь к Елене Владимировне. Надо было вызвать наряд.

Женщина открыла сразу. Похоже, все это время она провела у дверного глазка. Что ж, какой-никакой, а свидетель. Даже ковбой не волен в своих действиях, потому что шериф не дремлет. Что уж говорить о советском милиционере, над которым довлеет прокурорский надзор...

## Глава 7

Поздний вечер, Богдану бы спать сейчас без задних ног, а ему приходится выслушивать начальника РОВД. Напряженный момент, поэтому не до сна.

– Городовой, ты что, Рэмбо? – хмыкнул полковник Измайлов.

– Да нет, просто мастер спорта по самбо. И краповый берет.

– Краповый берет?! Ну, это, конечно, сильно...

– Чего не сказал, что у тебя краповый берет? – с легкой обидой посмотрел на Богдана Ревякин.

– Да так...

– Служил где?

– В ОДОНе, под Москвой.

– Надо бы запрос туда послать. И в школу милиции. А то вдруг окажется, что тебя ни там не было, ни там... Вдруг ты шпион американский.

– Почему шпион? – улыбнулся Богдан.

Он прекрасно понимал, что Измайлов шутит.

– Потому что подготовка соответствующая.

– Наш спецназ покруче всяких там заморских шпионов.

– Надеюсь. А то вдруг окажется, что ты шпион... Ладно, шучу. А если серьезно, то дела не очень. Рычагов утверждает, что ты первый достал пистолет и выстрелил в Бурдукова.

А потом набросился на него...

– У меня есть свидетели, – покачал головой Богдан. – Гражданка Михайлова все видела.

– Есть такое. Она действительно все видела. Но дело в том, что Рычагов – человек непростой. И у него есть определенное влияние в этом городе. Может, уже сегодня ночью к Михайловой придут страшные люди с уголовными рожами. Или уголовные люди со страшными рожами?.. В общем, гражданка Михайлова может изменить свои показания...

– Но ведь Бурдуков был вооружен. Это само по себе подтверждает его вину.

– Да, пистолет у него незаконный. И сам он судим за разбой. Веры ему нет. И Рычагову, разумеется, тоже. Но ты должен понимать, что нельзя так просто стрелять в людей.

– Понимаю. Только Бурдуков ствол достал... Я убить его мог. Но я же в руку стрелял...

– А если бы в голову попал?

– Все могло бы быть. Но мы же здесь не в бирюльки играем.

– Слова не юноши, но мужа! – покладисто улыбнулся Измайлов. – Что верно, то верно, мы здесь не в игры играем. Завтра подъедет следователь из прокуратуры, мозги будет прокапывать. Но ты должен знать, что мы за тебя горой. И никакой Рычаг не сможет тебя опорочить...

– Я поговорю с Рычагом, – с важным видом кивнул Ревякин. – Подкручу ему фитиль, чтобы сильно не чадил...

– Давай, Илья, ты с этим типом хорошо знаком. Объясни ему популярно, что лейтенант Городовой – человек из нашей системы и за него мы спросим жестко. Скажи, что ни перед чем не остановимся. Он поймет, что это значит. Если не дурак... Хотя нет, лучше я сам с ним поговорю. А то слухи нехорошие о нем ходят... Водитель у него, он же, я так понимаю, телохранитель. С боевым оружием ходит и ничего не боится. Надо эту вольницу прекращать...

– Как? – спросил Ревякин.

– Рыбу рубят с головы.

– А что у нас на Рычагова есть? Сопротивление представителям власти не пройдет – он скажет, что хотел Городовому пиджак поправить, потому и взял его за лацканы. А Богдан его неправильно понял... Ничего противоправного, в общем-то, Рычаг не совершал. Оружия при нем не было, наркотиков тоже...

– У Рычагова за плечами три ходки, и он должен понимать, как у нас просто посадить рецидивиста. И ты, Илья, популярно ему это объясни.

– Да я-то объясню. Прямо сейчас... Думаю, что завтра утром нас начнут осаждать адвокаты, из исполкома могут позвонить. Вы же сами сказали, что Рычагов не простой человек. А у нас ничего на него нет. В общем, Бурдукова мы оформим, а Рычагова надо бы отпустить...

Измайлов кивнул в знак согласия, но ничего не сказал. Он и сам понимал, что Рычагова за решеткой так просто не

удержишь, а сложности ему не нужны.

На этом разговор был закончен, и вместе со своим наставником Богдан вышел из кабинета начальника РОВД.

– Ну как тебе наша работка? – с безобидным сарказмом спросил Ревякин.

– Весело.

– Обхохочешься... А говорят, у нас организованной преступности нет. Одно только дежурство, и сколько веселья... – Капитан зашел в свой кабинет и устало присел на диван. Раскрыл правую ладонь, загнул мизинец. – Журавлева взяли, Несмеянова. Откуда они? Из банды Шурина. Мишин, Желобов и Асланян – откуда они? – Ревякин загнул второй палец. – Банда Мохнатого. Рычагов и Бурдуков – воры, корифеи преступного мира, его элита... Может, по Юбилейному району поедем прошвырнемся? Может, кого из банды Пархома возьмем? Или за речку съездим, там Зяма со своими стервятниками...

– Поздно уже.

– Жаль. А то такое ощущение, что город кишит этой бандитской живностью... Ладно, это все эмоции. Поздно уже, что делать собираешься? Домой?

– Ну да.

Деньги у Богдана были. Школу милиции он закончил с красным дипломом, поэтому по выпуску получил два оклада денежного содержания. Это пятьсот рублей с гаком. А снять однокомнатную квартиру в районе Советского РОВД стои-

ло сорок рублей. Плюс подъемные на подходе и первая зарплата. Так что в плане быта у него все в порядке. А личную жизнь заполняет работа, и в этом нет ничего ужасного...

Да, красный диплом... А ведь обычная школа далась ему с трудом. Он просто-напросто пропустил два года учебы, поэтому в восьмой класс пошел, когда его ровесники были в десятом. Потом было профтехучилище, где он учился на слесаря, закончил его в двадцать лет. Потом армия, после высшая школа, куда он поступил на льготных основаниях. За ум он взялся еще в первом семестре, но гранит науки давался ему тяжело, поэтому зимняя сессия едва не закончилась провалом. Зато потом учеба наладилась, и вторая сессия далась гораздо легче... Главное – задаться целью и бросить под нее все свои силы, тогда и горы можно свернуть...

– А кто тебя дома ждет?

– Никто, – пожал плечами Богдан.

Один он на этом свете. Отец вырос в детдоме, мать оттуда же. Родителей уже нет – отца убили, мать сгорела в пьяном угаре. А больше у него родственников нет. Если не считать дядю Гришу, он для него как отец родной. Но дядя Гриша далеко...

– И хорошо, что никто не ждет. В нашем деле семья – это обуза. И якорь на шею. Когда идешь на пули, о чем думаешь? О жене думаешь, о детях. Это напрягает и делу мешает. Но мы люди, нам без семьи никак. Вот и у меня гирия на ноге появилась, Оксана зовут, – мечтательно улыбнулся Ревякин. –

Дома меня ждет. К ней сейчас пойду. А ты здесь оставайся. Чего тебе в ночь домой идти, время на дорогу терять? Здесь располагайся. Утром проснешься – и сразу за работу. Нам завтра пахать и пахать...

– Да, наверное, так будет лучше, – кивнул Богдан.

– И вообще, я бы не советовал тебе по ночам ходить. Рычаг – тип злопамятный. Он такой, что и «торпеду» по твою душу может запустить. Подрежут где-нибудь в темном углу...

– Ничего, я оглядываться буду.

– Да, парень, ходи с оглядкой и ствол держи при себе. Я уже давно так хожу. Был у меня один случай... Ладно, завтра расскажу. Пойду я...

Ревякин ушел, а Богдан отправился в туалет, к умывальнику. И едва не заснул на ходу.

Зато утром он был бодр и свеж. В полном удовольствии Богдан отправился в ближайший продуктовый магазин. Колбасы и масла не было – обычное дело, зато удалось купить сметаны и молока. В хлебном он взял несколько свежих булочек. В общем, завтрак удался.

После утреннего совещания в отделе появился следователь из прокуратуры. Он закрылся с Богданом в кабинете, прочел его вчерашнюю объяснительную и заставил написать новую. На вопрос, что это изменит, он ответил уже после того, как Богдан выполнил его требование. Оказывается, он хотел сравнить обе объяснительные, чтобы найти в них рас-

хождения и тем самым вывести его на чистую воду. Но расхождений следователь не нашел. Запутаться можно во лжи, в ее хитросплетениях, а Богдан излагал правду, поэтому не провести его на такой мякине.

Прокурорский отстал от него, но потребовал назначить служебное расследование по факту применения оружия. Казалось бы, зачем это нужно, ведь он сам все расставил по местам. Но, увы, работа правоохранительных органов далеко не всегда поддавалась логическому объяснению. И снова Богдану пришлось писать объяснительную, поскольку первые две следователь унес с собой...

После обеда он заполнял статистические карточки, а под вечер его выдернули на место происшествия. Оказывается, в дебрях восьмого микрорайона обнаружили труп человека. Убийство. И Богдана привлекли к этому делу. Значит, доверяют. Как-никак вместе с капитаном Ревякиным он обезвредил грабителей из банды Паши Мохнатого. Может, сегодняшнее убийство – следующее звено в злодеяниях этой преступной группировки. Возможно, сам полковник Измайлов признал Богдана специалистом по банде Мохнатого, поэтому и бросил на этот важный участок...

Но, увы, действительность оказалась гораздо прозаичней. И тихая радость сменилась таким же сдержанным отвращением.

Труп находился в подвале высотного дома. Слесари сунулись туда чинить водопроводную трубу и наткнулись на него,

как водится в таких случаях, позвонили в милицию. На место прибыла группа – следователь, эксперт, оперуполномоченный капитан Батаров и Богдан. Там их уже ждал участковый.

Труп оказался старым, воняло от него так, что Богдана едва не стошнило. Лето, в подвале душно, мертвец разлагался ускоренными темпами, и непонятно было, как он мог пролежать там не один месяц.

Истлевшее, изъеденное червями тело нужно было выносить на белый свет, чтобы исследовать его там, описать, а затем погрузить на труповозку. Занятие не для слабонервных. Может, Богдана и отправили сюда для того, чтобы он осознал, хочет ли дальше служить в милиции, нужно ли ему счастье возиться в дерьме. Ведь служба в уголовном розыске – это отнюдь не погони с перестрелками и ментовской романтикой, здесь пахнет не только порохом, но и мертвечиной...

Ему пришлось браться за разлагающийся труп собственными руками, укладывать на старое одеяло, вместе с Батаровым и участковым тащить к выходу. Ничего, справился, и даже душа не вывернулась наизнанку вместе с остатками обеда.

А когда они вернулись в отделение, Батаров пригласил его в свой кабинет, достал из сейфа бутылку водки, наполнил два двухсотграммовых стакана. Спиртное Богдан не жаловал. Во-первых, он занимался спортом, а во-вторых, у него дурная наследственность. Но отказываться не стал. И непри-

лично, и душа требовала разгрузки...

## Глава 8

Четвертый микрорайон – четвертая школа. Разумеется, это всего лишь совпадение номеров. В том же восьмом микрорайоне располагалась школа совсем под другим, двузначным номером. Но все-таки над этим численным тождеством витала некая знаковость. Богдан это почувствовал, когда в школьном спортзале увидел Ковалькова.

В зале шла тренировка. Крепкие ребята из взрослой возрастной группы работали в парах, оттачивали друг на друге удары руками, ногами. Все без исключения в кимоно, что уже само по себе наводило на мысль об их серьезном отношении к делу. Да и уровень подготовки у них достаточно высокий, если судить по технике ударов.

Ковальков тоже был в кимоно, но махал он только языком. – Шмель, руки держи выше... Серый, о чем ты думаешь? Побольше сосредоточенности... Камиль, с локтями поосторожней! Мне калеки здесь не нужны!..

Он ходил между парами и с важным видом раскидывал по сторонам указания и комментарии. Он мог быть помощником тренера, но Богдан принял его за самого сэнсэя.

Ковальков не мог слышать, как Богдан зашел в зал, но спиной почувствовал его взгляд. И резко обернулся. На какой-то момент на его лице отразилось замешательство, но вот губы растянулись в радушной улыбке.

– Котов, давай за меня! – распорядился Ковальков и направился к Богдану.

Он развел руки, выражая свою радость по поводу встречи, но ладонь для пожатия Богдану не протянул.

– Товарищ лейтенант! Какими судьбами!

– Да вот, Ковальков, сигнал поступил. Драка вчера была возле спортзала.

– Какая драка?

– Трое избивали одного. Причем с использованием приемов рукопашного боя. Возможно, кто-то из твоих ребят...

– Быть такого не может!.. Пройдем, лейтенант, шумно здесь.

Ковальков провел Богдана в тренерскую, показал на диван, что стоял под навесной полкой, сплошь заставленной кубками.

– Это для физруков тренерская, – сказал он. – Но уже вечер, они все дома, так что нам никто не помешает...

– А тебе здесь можно находиться? Как я понимаю, вы арендуете зал?

– Арендуем. Но уже давно. Меня все здесь знают, поэтому доверяют. Так что не переживай, мы находимся здесь на законном основании...

– Да вижу, что вы здесь уже давно. Чувствуется уровень.

Богдан вытянул натруженные за день ноги. Непокойный сегодня выдался денек, пришлось побегать по городу на пару с Ревякиным. То одно, то другое... А здесь дело незна-

дежное. Драку видели из окна соседнего дома, позвонили на «02», но когда прибыл наряд, пяточок перед спортзалом был уже пуст. И заявлений никаких не было. Богдана отправили сюда в порядке профилактических мер. Ловить здесь нечего, поэтому Ревякин остался в отделе.

– А сам ты чем занимаешься, лейтенант? – уважительно спросил Ковальков. – Видел я, как ты тех двоих уложил. Как по нотам.

– Боевое самбо.

– А у нас кёкушинкай. Тоже неплохо.

– Неплохо. И для защиты, и для нападения.

– Мои ребята ни на кого не нападают, – мотнул головой

Ковальков.

– А вчера?

– А что вчера было? Трое одного избивали? Кто это видел? Заявление было?

– Не было заявления, а видели из окна.

– Ну, может, мои ребята приемы отрабатывали... Когда это все было, во сколько?

– В начале девятого вчера.

– Ну, правильно, в это время у нас закончилась тренировка. Ребята домой расходились. Я сейчас...

Ковальков вышел из кабинета, минут через пять вернулся.

– Да, было такое. Шмелев поспорил, что троих уделает. Сам уделался. Нос ему расквасили, губу разбили... Хочешь, я приведу его сюда, он все расскажет?.. Там все чисто по-

дружески было. Хотя, честно скажу, в этом есть моя вина. Надо было их до икоты вчера загонять, чтобы сил на уличные спарринги не осталось...

– А вы что, каждый день тренируетесь?

– Да нет, четыре раза в неделю. Понедельник, среда, четверг, суббота. Вчера среда была, поэтому и сегодня занимаемся...

– И в субботу тренируетесь?

– Ну да. Лучше тренироваться, чем водку в подворотнях жрать. Или ты не согласен, лейтенант?

– Здоровый образ жизни?

– А это плохо?

– Да нет, хорошо... А младшие группы у тебя есть?

– Да, с шестнадцати до восемнадцати...

– Черный пояс у тебя – это как, реально или для красоты?

– Реально черный пояс. Я с четырнадцати лет занимаюсь.

– А сейчас тебе сколько?

– Двадцать четыре.

– Десять лет?

– Ну да, с перерывом на армию. Я в Афгане служил, если что. В десантуре. Горбачев, скотина, вывел войска. Как будто мы проиграли... Да мы их там так жарили... А, чего уж там! – отмахнулся парень.

– Афган – это хорошо... – кивнул Богдан.

Он не собирался развивать эту тему, но Ковальков сам навязал ее продолжение.

– А ты, лейтенант, где служил?

– Я и сейчас служу.

– А в армии где?.. У вас же без армии в милицию не берут.

– В спецназе я служил. В спецназе МВД.

– Тоже ничего...

– Теперь я у тебя спрошу. У кого ты, Дима, карате занимался? Кто вас тренировал?

– Были учителя...

– Ты говорил, что у тебя кооператив, куртки шьете, джинсы...

– Есть кооператив. В школьной мастерской. Мы там цех арендуем. На законных основаниях.

– И за обучение карате плату берешь?

– Ну, есть такое. С этим у меня все в порядке – состою на учете в налоговой, плачу налоги...

– А когда сам карате учился, Шуринов плату с тебя брал?

– Первое время – да... А разве я тебе говорил, что меня Шуринов тренировал? – спохватился Ковальков.

– Нет. Просто подумал, что тебя Шуринов мог тренировать. Он человек в городе известный...

– Да, председатель городского общества традиционных восточных единоборств.

– А что, бывают нетрадиционные?

– Ну, наверное...

– Рэкет, например.

– Какой рэкет? – встрепенулся Ковальков. – О чем ты, лей-

тенант?

– А чего ты так всполошился, Дима? – усмехнулся Богдан. – За живое задело?.. Или ты действительно не знаешь, что такое рэкет?

– Ну как не знаю... Знаю. Мы же свой товар на рынке продаем, а там всякое бывает. Приходят ребята, давайте, говорят, делиться, мы вежливо их посылаем. Команда у нас солидная, сам видел, четырнадцать бойцов, мы сами кому хочешь навалием...

– А сами не подходите, нет?

– В смысле рэкет?.. Нет, мы только отбиваемся... А ты чего интересуешься? Если ты для этого пришел, так и скажи...

– Да нет, я из-за драки пришел. Просто увидел тебя, и вопросы появились.

– Какие вопросы?

– Когда мы задерживали Журавлева и Несмеянова, ты не стал ждать, смылся. Вот я и подумал, что ты мог знать этих ребят. Они ведь тоже карате занимаются.

– Где?

– Не знаю.

На самом деле Богдан все знал. Журавлев и Несмеянов занимались в городском Дворце спорта, причем под руководством самого Шуринова. Там находилась штаб-квартира группировки, а секция Ковалькова могла быть ее филиалом.

– Но точно знаю, что они занимались карате.

– Да, ногами они машут знатно, – кивнул Ковальков.

– А кто лучше?

– Кто лучше?.. Ты что, на словах подловить меня хочешь?.. Ну, знаю я этих ребят, видел во Дворце спорта. Потому и уехал, чтобы они меня не увидели. А то получается, я их сдал... Слушай, лейтенант, я не понял, это что, допрос? Если допросить меня хочешь, то давай повесткой вызывай.

– Нельзя тебя повесткой вызывать.

– Это почему?

– Вдруг на Рычага нарвешься. Он сейчас у нас в КПЗ, но его в любой момент могут выпустить...

На самом деле Рычагова освободили еще позавчера. Но Богдану понадобился мостик, чтобы с одной темы плавно съехать на другую. Потому он и соврал.

А еще Ковальков мог проявить свою осведомленность насчет Рычага и сказать, что его давно выпустили. На этом и попасться. Но нет, не проявил. И не попался.

– А чего он в КПЗ делает?

– Оказал сопротивление сотруднику милиции. То есть мне. Из-за Нины.

– Из-за Нины? – заметно разволновался Ковальков.

– Говорю же, когда я тебя увидел, вопросы появились. Может, ты ответишь, куда делась Нина?

– В каком смысле «куда делась»?

– Я знаю, с кем она уехала. Вернее, Рычаг думает, что я знаю. Я был у Нины, я с ней разговаривал, значит, я должен знать, кто спрыгнул с ее балкона.

– А он знает?

– Пока нет. Во всяком случае, я на это надеюсь. Жалко будет, если с девчонкой что-то случится... Надеюсь, ты хорошо ее спрятал?

– Ты думаешь, что Нина у меня?

– Если ты не хочешь говорить, не надо. Заявление о пропаже не поступало, а без этого я разыскивать твою Нину не могу. И не буду. Мне лишняя головная боль ни к чему...

– Головная боль ни к чему, а с Рычагом сцепился...

– Он со мной сцепился. Потому что Нину ищет. И может ее найти. Вместе с тобой... А ты знаешь, кто такой Рычаг.

– И что ты предлагаешь? – озадаченно спросил Ковальков.

– Я предлагаю?.. Ну да, я должен предложить, – кивнул Богдан. – Я предлагаю тебе спрятаться вместе с Ниной. Чтобы тебя случайно не пристрелили на улице. А то нам лишние трупы ни к чему...

– Да ладно! Ты же будешь знать, кто меня пристрелил.

– Да, но Рычага голыми руками не возьмешь. А следов он не оставит... Зачем нам «глухарь», Дима?

– А если меня в другом районе пристрелят?

– Этот вариант мне нравится больше. Но лучше обойтись без трупов. Так что будь осторожен... И мой тебе совет: если ты со своими ребятами состоишь в банде Шурина, то лучше выйди из дела. Поверь, эта ваша вольница скоро закончится. Мы за вашими безобразиями долго наблюдать не будем...

Богдан понимал, что с организованной преступностью

справиться практически невозможно. Но ее можно было вернуть в подполье. А то повывлезали тараканы изо всех щелей, произвол на улицах творят... Возможно, придется пойти на экстренные меры, как это было после войны, когда преступность разрослась до чудовищных размеров. Возможно, бандитов и сейчас придется отстреливать без суда и следствия. Если так, то Богдан к этому готов. Главное, чтобы поступил приказ. И когда-нибудь он поступит. Должна же быть политическая воля у руководителей государства...

## Глава 9

Врагов не бывает у тех оперов, которые ничего не делают. Так говорил Ревякин. Он же советовал Богдану не ходить по ночным улицам без оглядки.

Но сейчас только вечер, на улице светло. И все равно Богдан поглядывает по сторонам. И назад нет-нет да посмотрит. Незримый бой длится круглые сутки, даже дома нельзя расслабляться.

Он подходил к своему подъезду, когда из-за кустов прямо на него выскочил человек. Богдан уловил движение боковым зрением, сработали рефлексy. Блок, захват, бросок под звон падающего металла, успокаивающий удар.

А на землю упал самый настоящий нож. Финка.

Богдан скрутил нападавшего, свел руки за спину, сковал их. Только тогда уложил его на спину, заглянул в лицо. Совсем еще молодой парень, лет восемнадцать, не больше. Лицо искажала злобная гримаса, в глазах бешенство. Зрачки расширены, лоб в холодной испарине. Парень злился на Богдана, но на него не смотрел. Отсутствующий какой-то взгляд. И еще его тело сотрясала крупная дрожь.

Все это происходило при свидетелях. Стоящие в сторонке старухи оцепенело смотрели на Богдана. Пришлось их растормошить, показать удостоверение. Одна из женщин по его просьбе побежала звонить в милицию. Сам он с места собы-

тия уходить не решился. Где-нибудь поблизости мог притаиться сообщник нападавшего – как бы он не прирезал своего дружка, чтобы тот лишнего не рассказал. Да и орудие преступления могло пропасть, а без этого могут пришить злоупотребление служебным положением. Прокуратура на выдумку хитра...

Посматривая по сторонам, Богдан склонился над задержанным, закатал правый рукав его рубашки. Как знал – сгиб локтя изуродован следами от инъекций.

– Уколоться хочешь? – без всякого ожесточения спросил Богдан.

Злобная гримаса с лица наркомана вдруг сошла, в глазах вспыхнул огонек надежды, губы растянулись в блаженной улыбке.

– А что, есть?

– А что тебе обещали?

– Морфин.

– И ты повелся?

– Он сказал, что у них много всего... Мне бы морцифальчику немного...

– Найдем. Сейчас в отделение поедем, там все будет.

– Правда?

– Ну, надо же тебя как-то наградить. За то, что ты такой бестолковый... Ты же не убийца, нет? И ножом бить не можешь, да?

– Не могу.

– А тебя наняли. За дозу.

– За сто доз.

– А чего не за тысячу?.. Кто нанял?

– Я не знаю. Подошел один, ширнуться, спрашивает, хочешь? А кто ж не хочет!.. Сказал, что морцифала мне отсыплют. На сто доз, сказали, хватит...

– И ты поверил?

– Ну...

– А если обманут?

– Нет. Он слово вора дал.

– Слово вора?

– Ну да...

– Да, слово вора – это сильно, – усмехнулся Богдан.

Он мысленно представил сцену на вокзале. Сидит женщина с чемоданами, надо в туалет, а ноша тяжелая. Рядом сидит мужчина в цивильном костюме, она просит его посмотреть за чемоданами. Тот соглашается и дает слово вора, что с вещами ничего не случится... Хотелось бы увидеть глаза этой женщины в реальности. Это было бы незабываемое зрелище.

– Как этого человека зовут, который тебя нанял?

– Не знаю.

– Как он выглядит?

– Высокий такой, в солнцезащитных очках... Усы, борода...

– Опознать сможешь?

– Ну, я не знаю... Кепка у него была, он ее на глаза натя-

нул. Очки опять же... Может, и опознаю, если увижу...

– В чем он был, в рубашке?

– Да, в рубашке.

– С коротким рукавом?

– Нет, с длинным...

– Наколки на пальцах рук не видел?

– Нет.

– Что нет? Не было или не обратил внимания?

– Не помню. Может, что-то и было... Вы мне ширнуться дайте, а я вспомню... Ой, хреново мне! Ой-о-ой!..

Наркоман действительно чувствовал себя неважно: ломка у него, а это не сахар. Но ведь он же нашел в себе силы наброситься на Богдана, значит, и разговаривать сейчас мог. Просто парень решил включить дурака.

К подъезду на скорости подъехала «канарейка», резко, с визгом остановилась. Из машины выбрались два патрульных милиционера. Рыхлоносый мордастый сержант и молодой старлей с большой фуражкой на маленькой голове.

– А-а, товарищ лейтенант! – с сарказмом былинного героя протянул сержант. – Опять вы отличились...

Похоже, общение с молчаливым и, в общем-то, беспомощным старлеем распоясало этого могучего деревенского парня, и он решил, что в столь фамильярном тоне можно общаться со всеми лейтенантами.

Богдан пристально, исподлобья глянул на этого балагура, и тот не устоял перед ним, отвел глаза в сторону. И только

тогда увидел валяющуюся на земле финку. Только тогда и дошло до него, какая опасность угрожала Богдану...

\* \* \*

В милиции работают жесткие люди, могут и нагрубить на допросе. Или даже чем-нибудь тяжелым стукнуть. Но Семёну Захаркину повезло. Бить его никто не собирался. Ему всего лишь пообещали дозу, и он рассказал все без утайки.

Вчера он тоже получил дозу своего наркоманского счастья. Старший лейтенант Скальцев помог Богдану с ампулой морфия и этим развязал язык несостоявшемуся киллеру. А сегодня Захаркиным занялся Ревякин.

– Как ты узнал, где живет лейтенант Городовой? – спросил Илья.

– Да я не знал. Мне показали место, где я должен был его ждать...

– А как ты узнал Городового?

– Мне фотографию показали...

– Тебе велели убить Городового или просто напугать?

– Сказали, что ножом его ударить надо... Я не собирался никого убивать!

– Но ударить собирался?

– Да, только ударить...

– А как зовут человека, который тебя нанял, ты не знаешь?

– Нет, он не назвался...

– Как он выглядел?

Ревякин зашел на новый круг, но ничего нового не узнал. Татуировок на руках у заказчика не было, особые приметы отсутствовали, если не считать усов и бороды, которые за просто могли быть накладными.

Капитан снова заставил Захаркина пролистать фотоальбомы, где мог быть запечатлен заказчик, но и на это раз результат оказался нулевым. И фоторобот, который был составлен по его показаниям, никого не мог напомнить. Глаза скрыты очками, форма лица искажена кепкой и бородой...

Захаркина увели, и Ревякин повернулся к Богдану:

– Ну, что скажешь?

– Дело ясное, что дело темное.

– Тебя не смущает слово вора?

– Смущает.

– А морфий на сто доз?.. Я точно знаю, что Рычаг занимается наркотой. У него свой канал поставки. И сбыта... Да и кто еще мог тебя заказать?

– Ну да, больше некому.

Богдан и сам склонялся к мысли, что это Рычаг пытался свести с ним счеты.

– Только вот одна проблема, парень. Я говорил с Рычагом, он сказал, что претензий к тебе не имеет. Ну, погорячились, с кем не бывает. А то, что Бурдуков за пушку схватился, так это его личное горе. Ты же здесь ни при чем...

– Сказать можно все что угодно.

– Это верно. Вор – зверь хитрый. Его слово – закон, но только для своих. Если он дал слово ментам, то оно ничего не стоит... И все-таки меня терзают смутные сомнения. Почему на тебя бросили никчемного Захаркина? Он же ни черта не умеет! А Рычаг знает, что голыми руками тебя не взять. Тут спеца надо было подсылать, чтобы тебя завалить... Может, Рычаг всего лишь припугнуть тебя хотел?

– Не думаю. Захаркин, может, и дилетант, но если бы я не среагировал, он пырнул бы меня в бок. А там печень...

– Но ты же среагировал?

– Потому что трезвый был. И ушки на макушке. А если бы я со спиртным перебрал? Всякое ведь бывает. Водка притупляет реакцию, а много водки ее просто убивает...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.